

Надежда ПТУШКИНА

МИСС

Комедия в двух частях с эпилогом

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица

ВАНЯ - МАФИЯ

ПАНТЕЛЕЕВНА - бессменный председатель сельского совета, до сих пор себя считает коммунисткой, а своей страной - Советский Союз. Около семидесяти, крепкая, энергичная и здравомыслящая почти во всём, кроме некоторых пунктиков.

МАЙ МАЕВИЧ, родился 9 мая, отсюда и странное имя, в графе “отец” прочерк, но вся деревня знает, что его мать родила от немца-оккупанта, отсюда за глаза прозвище “Фрицыч”. Бессменный школьный учитель, в партию его в своё время не приняли, помешало происхождение, но считает себя до сих пор “беспартийным коммунистом” и в идеологии святее римского папы. Человек недалёкий, не придающий никакого значения таким “пустякам”, как доброта, терпимость, такт, сдержанность. Имеет принципы и неуклонно следует им, где надо и, где не надо. О себе самого высокого мнения, но из-за ущербности происхождения, мнителен, вспыльчив и горяч. Жена его давно бросила, оставив ему ребёнка, и он один растит дочь-калеку.

ОКСАНА - дочь Мая Маевича, совершенная калека, не двигается, не говорит членораздельно. Калекой стала по вине отца, но, похоже, совесть его мучает совсем мало, или он к укорам совести привык, но уход за единственной дочерью осуществляет скорее, по обязанности, нежели от души.

МАНЯ - дура набитая, весом за сто килограмм, лет семнадцати.

ЛЮСЯ - мать Мани, вряд ли, поумнее дочери, неестественно тощая.

ВЕРА - жительница посёлка, незамужняя, без детей, лет под сорок.

ГАЛЯ - приезжая, одинокая, бездетная, лет тридцати.

БАБКА КУТУЗОВ - старая бабка, себе на уме, все в лицо зовут её Кутузов, и она не обижается, считает прозвище почётным; во-первых, потому что возглавляла партизанский отряд и потеряла глаз; во-вторых, потому что Кутузова уважает.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ - местный священник, студент-заочник семинарии, простодушен и смешлив, искренне верующий, добрый и благожелательный.

СЕРГЕЙ - кинооператор с районного телевидения.

ИННА - корреспондент с того же телевидения.

ФРИЦ - родной отец Мая Маевича и дед Оксаны.

Претендентки на звание “Мисс Жёлтая грязь” в количестве пяти душ.

Мальчик лет четырёх.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

События происходят в посёлке “Жёлтая грязь”, примерно, в четырёхстах километрах от Москвы, в недавние дни.

Поселковая контора. Здесь давно не кипит жизнь и ничего не происходит. Всё в прошлом, что отражают устаревшие лозунги на стенах, портрет Ленина, пожухлая экспозиция колосков, образцы овощей и, на перекладине, несколько запylённых национальных костюмов, видимо, единственная память о голосистом некогда хоре. На стене - телефон допотопного образца. За допотопным же канцелярским столом - Пантелеевна и Ваня-Мафия.

ВАНЯ МАФИЯ. Настойка пустырника, боярышника, эвкалипта... Карвалол... сердечные капли, в таких пузырьках, грамм по 30... Или силициловая кислота на спирту. Тоже без рецепта. Розовая вода и другие лосьоны для лица. Огуречный был лучше всех. Освежитель был хорош любой. Особенно - пихтовый. Самый дешёвый. Одеколон тоже любой. Кроме “Гвоздики”. “Гвоздика” - это ни в коем случае! Стеклоочиститель “Блю”. Ещё был “Секунда”. Но... “Секунда” - ни-ни! Клей БФ. Шиллак... Но не мебельный! Мебельный не годился, не шёл! Ацетон! Но не для всех!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (с ностальгической печалью) Да... да...

ВАНЯ-МАФИЯ. К примеру, освежитель. Брали трёхлитровую банку, в неё водички на треть, можно даже поменьше. Брали флакон, гвоздиком или чем нашлось, протыкали дырку в доньшке и выливали освежитель в банку. И залпом! А изо рта пар, как у Змей Горыныча! И что самое важное - последние сто грамм не допивать! Живот раздувается! И может лопнуть.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (С уважением) Наши русские мужики не жалеют себя!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Сдержанно, с достоинством) Из тех, до сегодняшнего дня не дожил никто!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ты вот дожил!

ВАНЯ-МАФИЯ. Мне повезло! Меня посадили. Вышел - а жизнь переменялась кардинально! Что сидел - доволен. К образованности пристрастился. В тюрьме имелась библиотека! Исключительная! И газеты всякие, и журналы. В жизни здорово разобрался. Вышел - опять повезло! Двоюродная бабка померла. Дом тут в посёлке завещала и один важный секрет открыла. И что характерно - бабка в склерозе и маразме, сама про себя не помнит, кто такая, а секрет открыла! И вот я тут как тут! Что скажешь, председательша?

ПАНТЕЛЕЕВНА. А вот что скажу, Ваня! Чтоб духу твоего здесь не было! Сегодня прикатил, а завтра вали-ка отсюда!

ВАНЯ-МАФИЯ. За алкаша приняли? Поясняю. Всё в прошлом. А здесь, в Жёлтой Грязи, начинаю новую светлую жизнь. Буду ездить на Мерседесе, и жевать резинку.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Так ты - мафия?

ВАНЯ-МАФИЯ. Прорвусь в мафию. Главное - начать.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Начинай хоть десять раз, но здесь, ни разу!

ВАНЯ-МАФИЯ. Да ты не нервничай! У меня воля исключительная. Приказал себе не газовать. И ни разу! Никогда! Ничего! Кроме, конечно, водки! И то - по праздникам! Я бы вообще не пил! Сам по себе, в рот не беру! Свою цистерну выпил! Но не могу, же выделяться! Все пьют, а я как? Нельзя мне сейчас народ раздражать!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Только мафии нам в Жёлтой грязи не хватало! Из тюрьмы - и здрассти! Прямиком к нам - в Жёлтую грязь! Ты же москаль - чего тебе здесь искать?

ВАНЯ-МАФИЯ. К корням потянуло! На родину предков!

ПАНТЕЛЕЕВНА. В Жёлтую грязь потянуло?

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Из Москвы - в Жёлтую грязь?

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну и что? Всё законно. Принять обязаны.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Тут тебе не Москва! Тут не законов, не дорог! Не захотим - не выживешь здесь!

ВАНЯ-МАФИЯ. А как же наследство? Мне что - дом предков бросить? Гнездо?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Не блажи! Какой дом? Халупа! Развалина негодная!

ВАНЯ-МАФИЯ. Я при руках - поправлю! Пить бросил - время свободное значит есть.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Дом у тебя правление купит. Дадим за гнездо бутылку. Распишись! И чтоб духу не было!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Рассматривает на свет жидкость в бутылке) Самогон? Брага?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Схватился! Вот и видно, всю перестройку в тюрьме-то и пропустил! Это раньше ставили и самогон, и брагу, а теперь...

ВАНЯ-МАФИЯ. (Рассматривает этикетку) Водка "Истоки". Подпольный разлив?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Другого здесь не бывает! Не Москва! Разведут спирт сырой водой, шлёпнут этикетку - и травись народ! Так что бери бутылку, Мафия, и вали! С автобусом сговорилась - подбросят до Москвы задаром. А с бутылкой в дороге не соскучишься.

ВАНЯ-МАФИЯ. Забудь, председательша! Я явился надолго.

ПАНТЕЛЕЕВНА. На кой ты здесь? Сам посуди! У нас покой, тишина, из развлечений только - похороны. А ты налакаешься - и за топор! И ну гонять кого - никого! Видала, перевидала таких!

ВАНЯ-МАФИЯ. Я - что, похож на сволочь, которая подымет топор на стариков? Посмотри мне в глаза, председательша, и ответь - похож?

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Честно смотрит ему в глаза) Очень даже похож! За что сидел-то?

ВАНЯ-МАФИЯ. Да за всё понемножку. За драку, за неумышленный наезд. Только за изнасилование не сидел.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ну, у нас за это не грозит. У нас, если кого... то посадят разве что за стол. И не срок дадут, а водочки хорошей!

ВАНЯ-МАФИЯ. Никогда, не возьму здесь в руки топора!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Топора не возьмёшь! Двустволку возьмёшь! Или похуже! Что тебе у нас? Утаиваешь, недоговариваешь! Дознаюсь!

ВАНЯ-МАФИЯ. Нет, у тебя прав чинить препятствия! Бумаги в ажуре!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Бумагами не стражай! Я столько бумаг преодолела! Любой бумаге прежде всего сопротивляюсь, а уж после думаю. Ну, зачем, зачем тебе, москалю, наша Жёлтая грязь?

ВАНЯ-МАФИЯ. Так хозяйство тут!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Хозяйство? Кобель да петух? Ни молока, ни мяса! Пять яблонь торчат? Народ дивится. Ты сейчас только с автобуса и сразу в огород что-то копать. Чего в апреле делать в огороде? А?

ВАНЯ-МАФИЯ. Дренажные канавки, чтоб воду спустить.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Какую воду? Твой дом на горке!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ямы под яблони.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Пять яблонь есть! Мало?

ВАНЯ-МАФИЯ. Так старые же!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Плодоносят - девать здесь некуда!

ВАНЯ-МАФИЯ. Вот соберу с них урожай и выкорчевую к чёртовой матери! Заведу молоденькие. Молоденькие-то всегда лучше, а?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Молоденьких захотел! Темнишь всё! Ехай, Ваня, от нас подбру-поздорову!

ВАНЯ-МАФИЯ. Олигархи не дремлют. Власть срашивается. Призрак коммунизма душит зародыш капитализма. А ты человека пытаешься лишить шанса на новую жизнь!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Где болтать выучился?

ВАНЯ-МАФИЯ. Мои умственные способности, попав в правильные условия, достигли невиданных высот. Давай примем твоих “Истоков” за мою новую жизнь!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Не пью.

ВАНЯ-МАФИЯ. Так и я даже в рот не беру.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ну, если только по чуть-чуть.

ВАНЯ-МАФИЯ. Так я так и намекаю!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Если только совсем по чуть-чуть.

ВАНЯ-МАФИЯ. Символически. (Разливает)

ПАНТЕЛЕЕВНА. Это ты мне налил?

ВАНЯ-МАФИЯ. Много?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Я тебе курица, что ли?

ВАНЯ-МАФИЯ. Виноват, начальник, исправлюсь. (Доливает)

ПАНТЕЛЕЕВНА. Стоп! Теперь перебор!

ВАНЯ-МАФИЯ. Не пей до конца!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Не до конца мы не приучены.

ВАНЯ-МАФИЯ. За мой приезд! За новую жизнь! За вас!

Выпивают.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ты хоть и отсидел в тюрьме, Мафия, но не поумнел, нет, не поумнел! Из Москвы - в Жёлтую грязь! Да здесь же нет никакой работы! Раньше глину добывали, а по соседству, в Чёрной Грязи - торф, а теперь ничего, финита! А бездельников у нас не любят. Не любят бездельников! Ох, не любят! Учти!

ВАНЯ-МАФИЯ. Учту! Выпишу леса в лесничестве, буду срубами торговать. На жизнь хватит. Чего мне? Я одинокий.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Тех, кто много работает, ещё больше не любят! То есть, совсем не любят! И это ещё больше учти!

ВАНЯ-МАФИЯ. Давай выпьем, чтоб все меня любили!

ПАНТЕЛЕЕВНА. За мир и дружбу! Вот - куда ты ещё на мою голову? У меня забот и забот. Тут почти одни пенсионеры, а государство пенсии нам аж за год задолжало. Думать и думать, ночей не спать.

ВАНЯ-МАФИЯ. Спи спокойно! Ведь не ты задолжала государству, а государство - тебе.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Вымрет народ бесповоротно. Если деньжатами не разживусь. А народ все, какой! Плюнешь - непременно в героя угодишь! И воевали, и восстанавливали, и подымали... А орденов у их, а медалей, а грамот - хоть музей открывай! И ведь своего даже не требуют. С голоду помереть не дай - и уж властью довольны. Это ж, после войны - полвека! А что людям напоследок? Церкву открыли! А зачем им церква? Они тут сами все давно святые! Круглый год постятся. Вот ты сильно умный, так подскажи - как из районного начальства деньги выбить? Не знаешь? А, если б знал, цены б тебе не было! (Допивает) Будь здоров и проваливай!

ВАНЯ-МАФИЯ. А ведь я тебе позарез нужен, председательша! Я знаю, как с района деньги взять.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ну, если банк позовёшь грабить, не пойду. У нас и в банках шаром покати.

ВАНЯ-МАФИЯ. Ох, и повезло же тебе со мной, председательша!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Я пока плясать-то от радости погожу. Ты пока говори.

ВАНЯ-МАФИЯ. Один я знаю, что вас тут спасёт.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Говори, коли знаешь.

ВАНЯ-МАФИЯ. Я-то знаю, не сомневайся.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Говори, говори - что спасёт?

ВАНЯ-МАФИЯ. Кра-со-та!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Чего? Это открытки что ли с наших видов снимать? Так теперь берёзы никому не нужны! Теперь только голые бабы всем нужны!

ВАНЯ-МАФИЯ. Красота спасёт мир! Кто сказал? А? Знаешь?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Я всё знаю. Я жизнь прожила.

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну, кто сказал - красота спасёт мир. Кто?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Пу-у...

ВАНЯ-МАФИЯ. Горячо, горячо...

ПАНТЕЛЕЕВНА. Путин!

ВАНЯ-МАФИЯ. Эх, темнота!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Сам не знаешь, кто сказал!

ВАНЯ-МАФИЯ. Пушкин! В своей толстой знаменитой книге "Братва Карамзины". Ты хоть Пушкина читала?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Читать - не читала, но знать - знаю.

ВАНЯ-МАФИЯ. И что же ты знаешь?

ПАНТЕЛЕЕВНА. (С воодушевлением) "Прибежали в избу дети, второпях зовут отца." Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!"

ВАНЯ-МАФИЯ. Великий поэт! Кладёшь идей. А в наше время идеи - всё! Деньги, удобства!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Да уж мы свой век с удобствами во дворе как-нибудь доживём. А вот что у Пушкина насчёт пенсий?

ВАНЯ-МАФИЯ. У Пушкина всё больше общие соображения, но я могу конкретизировать.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Давай!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ты только напряги свой ум!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ну!

ВАНЯ-МАФИЯ. Весь ум напрягла?

И тут для автора наступает щекотливая ситуация, ибо Пантелеевна в соответствии жизненной правде, которой автор старается следовать, раздражается матом. Но автор предлагает господам режиссёрам побережь уши зрителей и применить заглушку - зуммер, по примеру телевидения.

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну, ты даёшь, председательша! Наша с Пушкиным идея - устроить конкурс красавиц в Жёлтой грязи!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ошарашено) Чего?

ВАНЯ-МАФИЯ. По ящику не видала?

ПАНТЕЛЕЕВНА. По ящику - много чего. А ты о чём толкуешь? Не соображу!

ВАНЯ-МАФИЯ. Предупредил же - все мозги понадобятся! В Жёлтой грязи мы устроим конкурс красавиц!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Заходится от смеха) Сам наших старух уговаривай! Застесняются они, небось, перед народом ходить без лифчиков!

ВАНЯ-МАФИЯ. Пусть старухи не беспокоятся. Отходили своё, и в лифчиках, и без лифчиков... Низкий поклон им за это. Но конкурс-то красавиц!

ПАНТЕЛЕЕВНА. А где у нас тут красавицы?

ВАНЯ-МАФИЯ. Сойдут и просто молоденькие.

ПАНТЕЛЕЕВНА. А молоденькие где?

ВАНЯ-МАФИЯ. Да я только с автобуса сошёл - сразу засёк.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Это кто? Может, в гости к кому приволоклась?

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну, такая... довольно привлекательная... не меньше пяти пудов!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Есть у нас одна - видная. Но та не пяти пудов. В той - не менее десяти.

ВАНЯ-МАФИЯ. Так я же её не взвешивал!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Рябая?

ВАНЯ-МАФИЯ. То есть вся!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Манька!

ВАНЯ-МАФИЯ. Первая кандидатура есть!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Хохочет) Маньку - на конкурс красавиц?

ВАНЯ-МАФИЯ. Но ведь и конкурс - не мисс Европа, а мисс Жёлтая грязь! Кто ещё подходящий?

ПАНТЕЛЕЕВНА. А больше молодых вообще нет.

ВАНЯ-МАФИЯ. Одна молодая девка на весь посёлок?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Одна Манька. Больше нет. Да ещё дочка Фрицыча.

ВАНЯ-МАФИЯ. Какого Фрицыча?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Учителя. Его мать от пленного немца понесла и родила в аккурат 9 мая. Так и назвала Май Маевич. Но за глаза его только Фрицычем и зовут.

ВАНЯ-МАФИЯ. Дочки за отцов не отвечают. Вторая кандидатура есть!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Окстись! Она - калека! Почти не двигается.

ВАНЯ-МАФИЯ. Привлечём. Пусть посидит - поучаствует, на вопросы ответит.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Да она и не говорит. Так, мычит...

ВАНЯ-МАФИЯ. А с чего это с ней?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Отец у неё больно принципиальный. Совсем крошечную бросил в воду, чтобы она враз плавать научилась. Вот с ней и стряслось.

ВАНЯ-МАФИЯ. А чего ж не лечат-то?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Когда лечение было бесплатное, лечили, а как стало за деньги - бросили. Фрицычу самому больше полгода зарплату не дают. Ему хотя бы прокормить её, а уж лечить-то больше, должно быть, и не будет.

ВАНЯ-МАФИЯ. А мать чего?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Сразу их бросила. Фрицыч - не сахар, дочь - калека... Подалась в Москву судьбу устраивать. Поговаривают - спилась и сгинула.

ВАНЯ-МАФИЯ. Это что ж получается? Сироте да калекке и так несладко, а мы ещё и к конкурсу красоты не допустим? Победы не гарантирую, но участвовать будет. Вторая кандидатура есть. Кто ещё подходящий?

ПАНТЕЛЕЕВНА. В Жёлтой грязи - всё.

ВАНЯ-МАФИЯ. Из других посёлков пригласим! Позовём районное начальство, телевидение, возможно, даже из Москвы... И вот тут-то тебе дадут слово на всю страну. Вот - камера. Вот - микрофон. Твой звёздный миг! Говори, председательша!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Что говорить?

ВАНЯ-МАФИЯ. Что наболело - всё говори!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Мало ли чего наболело? Кому это слушать захочется?

ВАНЯ-МАФИЯ. Президенту! К нему обращайся!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Прямо к президенту?

ВАНЯ-МАФИЯ. Вот он сидит в Москве и напряжённо ждёт. Говори!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Чего говорить?

ВАНЯ-МАФИЯ. Как живёте - расскажи! Да не тяни! У президента времени в обрез. Не одна ты в стране бедствуешь! Говори!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Туда говорить?

ВАНЯ-МАФИЯ. А один чёрт, куда! Говори!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Здравсти, товарищ президент! Как ваше здоровье?

ВАНЯ-МАФИЯ. Ты ему лечащий врач - про здоровье спрашивать?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Здравсти, товарищ президент! Как ваше... ой! А мы живём тут в Жёлтой грязи хорошо. Всё у нас есть. Всё есть, всё в Жёлтой грязи...

ВАНЯ-МАФИЯ. Про пенсии давай, про пенсии!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Враз осипнув) Товарищ президент! А, может, по имени-отчеству, как-то теплее...

ВАНЯ-МАФИЯ. Тебе тепло надо или пенсии?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Товарищ президент, здрассти! Как ваше...

ВАНЯ-МАФИЯ. (Грозно) Ближе к пенсиям, председательша! Народ у тебя вымирает!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Мы тут все просто интересуемся - когда же пенсии дадут? Мы конечно сознательные; понимаем, сам вы там концы с концами не сводите и ничего у вас не ладится. Да мы за весь-то год пенсии и не спрашиваем! Хоть бы за текущий апрель... А уж за год-то.... Не первое и не последнее пропало... Вымрем, товарищ президент...

ВАНЯ-МАФИЯ. Не размазывай! Строже с ним, строже! Ты -народ, а он - слуга народа! Пусть знает своё место! Со слуг-то постroje спрашивать надо, а то разбаловались они у нас!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Когда пенсии, товарищ президент?

ВАНЯ-МАФИЯ. Резче!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Где наши пенсии? Спёрли?

ВАНЯ-МАФИЯ. Уже конкретнее.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Вы там, в Кремле, попробовали бы пожить на наши деньги, покуковали бы на картошке, поглядела бы я на вас! Ленин питался, как весь народ, не выделял себя, а вы? Отдайте пенсии, аферисты! (И мат, который естественно лучше заглушить.) Ну как?

ВАНЯ-МАФИЯ. Более или менее доходчиво. Конкурс красавиц - единственный шанс привлечь внимание мировой общественности к задержке пенсий в Жёлтой грязи!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Какие-то буржуйские методы предлагаешь. Где этого капитализму набрался? В тюрьме, что ли?

ВАНЯ-МАФИЯ. Единственный шанс, председательша! И ты будешь спасительницей народа! По рукам? Допьём за это! (Разливает остатки) За красоту!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Силён ты, Мафия, ну, силён!

ВАНЯ-МАФИЯ. Знал, что согласишься! Спасительница!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Соглашусь, когда рак на горе свистнет или знамение будет!

МАНЯ. (Буквально врывается, кожаная куртка нараспашку, модная по местным понятиям, ондатровая шапка-ушанка набекрень, бестолково машет руками и орёт истошно) Знамение! Знамение! (Спотыкается и падает, продолжает орать, даже упав) Спасительница! Спасительница!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Манька, что с тобой? Ополоумела?

МАНЯ. Красота! Красота!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ване) Мы только меж собой посмеялись, а одна девка уж спятила!

ВАНЯ-МАФИЯ. Идеи витают в воздухе и распространяются как микробы.

МАНЯ. Богоматерь! Богоматерь!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну, насчёт Богоматери - перебор!

МАНЯ. (Истошно) Богоматерь! Богоматерь!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Плещет ей в лицо из графина) Будь проще! И к тебе потянутся люди!

МАНЯ. Богоматерь!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ты всегда такая темпераментная?

МАНЯ. Богоматерь явилась к нам в посёлок. (Встаёт)

Пауза.

ВАНЯ-МАФИЯ. Лично явилась?

МАНЯ. Лично, лично! Сама! Знамение! Богоматерь!

ВАНЯ-МАФИЯ. Значит, явилась лично? Богоматерь лично заявила в Жёлтую грязь? А сейчас она где?

МАНЯ. Здесь, здесь, на церкви!

ВАНЯ-МАФИЯ. На церковь залезла?

МАНЯ. На стене.

ВАНЯ-МАФИЯ. По стене ходит? Как муха? (Пантелеевне) Документы проверь у этой матери, председательша! Пусть хоть метрику на Христа покажет.

МАНЯ. Тянет руки со стенки церкви и улыбается. Тянет и улыбается, тянет и улыбается, тянет и улыбается...

ВАНЯ-МАФИЯ. Заело у девки! На, хлебни водочки.

МАНЯ. (Делает глоток водки) Тянет и улыбается. Тянет и улыбается.

ВАНЯ-МАФИЯ. (Отмахивается от Мани) Пойдём, председательша, глянем! Сейчас этих юристов, шизиков, аферистов всяких столько развелось!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Пойду, разберусь.

Все трое выходят на маленькую поселковую площадь, которую и площадью-то назвать преувеличение. Небольшой пятачок, на котором церковь, крытая автобусная остановка и памятник Ленину, указующий в неопределённую даль.

Перед церковью толпится народ и глазеет на стену.

МАНЯ. Вот-вот она! Никуда не подевалась!

Пантелеевна рассматривает народ.

Ближе всех к стене Вера, в кожаной куртке, в вязаной шапке, натянутой на химические кудри и в кирзовых сапогах. Рядом - Галя, в скромном тёмном пальтишке с капюшоном. Капюшон она надела на голову и немного смахивает в таком виде на монахиню. Она словно окаменела, совершенно отключилась от окружающего мира, не сводит глаз с церковной стены и почти беззвучно молится, явно вкладывая всю душу. Вера истерично бьёт поклоны, суматошно крестится и клянчит.

ВЕРА. Мать Божья, пресвятая, я в тебя верю, вот клянусь, чем хочешь! Верю, верю в тебя, деву, мою спасительницу! Забери ты меня отсюда и перенеси в райцентр! Верю, верю, сотворишь чудо и поспособствуешь, чтоб мой дом здесь купили, и пособишь обзавестись домом в райцентре. И больше ничего не прошу, пресвятая дева, больше ничего, только - в райцентр!

ГАЛЯ. (Словно замёрзшими губами, молит) Ребёночка пошли мне, Богоматерь, ребёночка! Смилуйся, пошли мне ребёночка!

ВЕРА. И ничего больше у тебя, Богоматерь, не прошу, только помоги мне там уж, в райцентре, официанткой пристроиться на хорошее место. И больше ничего!

ГАЛЯ. Ребёночка!

ВЕРА. (Гале) Какого ребёночка, если у тебя всё по женской части вырезано? Только сбиваешь! Из-за тебя ничего сказать не успею. (И снова к стене) Значит, официанткой и всё, и больше ничего. Только ещё мне мужа бы, малопьющего, не очень ленивого, и не грубого! А хоть бы и старого, но сделай так, чтобы он всё ж таки хоть что-то, да мог!

ГАЛЯ. Смилуйся, пресвятая дева! Ребёночка!

ВЕРА. (Гале) Отвали, дурища! Сбиваешь! Чего тебе не сиделось в райцентре, у мужа за спиной? Нет, припёрлась в Жёлтую Грязь! Работала буфетчицей на телевидении - место спокойное. Заболела - во время всё вырезали! Ребёночка - ей! Какого ребёночка? Без денег, без мужа, без жилья, на ладан дышишь! Ребёночка просит! Ты, смотрю, с головой своей совсем поссорилась!... (Отмахнулась от Гали и переключилась на Божью Матерь) А ещё, пресвятая Богородица, дай мне...

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Толкает Веру) Даст, всё даст, догонит и добавит! Верка, ты умом тронулась или как?

КУТУЗОВ. (Стоит чуть позади Веры и Гали, и тоже молится. На правом глазу у неё чёрная повязка.) Не богохульствуй, Пантелеевна! Церковь от государства отделена. Не нравится, и ступай себе, не лезь!

ВЕРА. Ты, глянь, Пантелеевна, глянь, во - чудо!

Пантелеевна смотрит на стену и понятно, что видит.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Строго) Гляжу. Ничего не вижу!

ВЕРА. (Потрясённо) Не видишь? Да вот же, вот...

ПАНТЕЛЕЕВНА. Не вижу, потому что ничего тут быть не может и не должно!

ВЕРА. Пантелеевна, стань возле меня! Глянь, словно в омуте облик трепещет. И улыбка такая милостивая. Эх, заиграла душа у меня и радостно мне, словно я ещё пацанка!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Твоё свихнувшееся воображение. Свет играет, да. И ничего больше!

ВЕРА. Где свет? День, какой пасмурный! Этот свет от неё, от Богородицы! (Резко переключается на Богородицу) Отправь, отправь меня в райцентр! (Снова обращается к Пантелеевне) А руки-то, руки как? Она же к нам руки тянет! (Бухается на колени и тоже тянет руки к стене, голосит) Помоги, спасительница!

ГАЛЯ. Ребёночка! Сотвори чудо!

ВЕРА. Переберусь в район, устроюсь официанткой, выйду замуж - тебе, Богородица, каждый день по свечке! Вот клянусь - по свечке в день!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ване-Мафии) Ты видишь что-нибудь?

ВАНЯ-МАФИЯ. (Дипломатично) Смотрю!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Её внезапно осенило, Ване-Мафии подозрительно) Твоя афёра? Тебя спрашиваю - Богородица - твоих рук дело?

ВАНЯ-МАФИЯ. Если б я такое умел, на Папу Римского работал бы!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Что видишь?

ВАНЯ-МАФИЯ. Да так, ничего особенного!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Богородицу не видишь?

ВАНЯ-МАФИЯ. Вот её-то как раз вижу, а кроме - ничего!

ГАЛЯ. Да и нет ничего! Одна Богородица!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Шипит Ваньке-Мафии) Прекрати панику поощрять! Не видишь ничего! Понял?

ВАНЯ-МАФИЯ. Понял. (Громко) Ничего не вижу!

ВЕРА. Да ты только что видел, сам говорил, я слышала!

ВАНЯ-МАФИЯ. А я - то вижу, то не вижу. Это нормально!

КУТУЗОВ. Я одним глазом и то ясно вижу! Вот она! (Широко крестится и низко кланяется, вся исполнена довольства и радости) Сподобилась. Дождалась. (Бросается на колени и касается земли лбом) Царица моя небесная! Надежда моя Богородица, приятельница сирых и странных, предстательница скорбящих радости, обидимых покровительница!

ВЕРА. (Конкретно) Пенсию проси, покуда не исчезла.

ВАНЯ-МАФИЯ. Глаз проси, бабуля!

КУТУЗОВ. Радости, радости всем дай, пресвятая дева, радости прошу для всех! Знамение! Знамение! Быть чему-то! Быть у нас неожиданным событиям!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Толкает Кутузова плечом) Кутузов, что ты можешь видеть, у тебя всего один глаз, да и тот плох. Ты кошку от коровы только на ощупь отличаешь.

КУТУЗОВ. А свет небесный зрю! Душою зрю! (К Богородице) Зриши мою беду! Зриши мою скорбь! Помози мне яко немощну, окорми меня, яко странна!

ВЕРА. (В экстазе) Унеси, унеси меня отсюда, Богородица, унеси, унеси в райцентр!

МАНЯ. (Внезапно бросается на колени). И мне помоги, тётя Богородица! Помоги в техникум устроиться, да с общежитием. И пускай стипендию плотят. Я школу терпеть не могла, теперь на тебя одна надежда! Помоги!

ПАНТЕЛЕЕВНА. И ты туда же! (Пытается поднять Маню с земли) Встань, сказала!

МАНЯ. (Сопротивляется и вопит, как христианская великомученица под пытками) Богородица, помоги!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Встаёт перед стеной и растопыривает руки, загораживает “Богородицу”.) Не может ничего на стене быть! Немедленно прекратить кликушество и панику!

КУТУЗОВ. Не грехи, Пантелевна! Не порочь знамение! Не заслоняй образ Божьей Матери от народа!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Нет ничего, нет!

КУТУЗОВ. Это ты потому Божью Матерь не видишь, что колокольню рушила и своими руками Божью Матерь в огонь толкнула! Вот ей теперь Богоматерь и не кажется, всем кажется, а ей не кажется. Есть Богоматерь, есть! И настало Её время! Ваше безбожное кончилось, а Её - наступило! Ваше, всегда кончается, а Её рано или поздно, но всегда приходит! Пришла, а тебе не видать! Утрись!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Да вижу всё, что видите вы... А только вижу-то, побольше вас. Вижу, что нет ничего! Нету!

ВЕРА. Уйди, Пантелеевна, ты Богородицу от меня отвлекаешь! (Активно “Богородице”) Унеси, унеси меня отсюда в рай...центр!

МАНЯ. Глафира Пантелеевна, и, правда - ну не застите! (К “Богородице”) А ещё сделай, Богородица, чтоб жрала я, сколько влезет и при этом всё худела! Худела!! Худела! (С истерическим азартом) Худела, худела...

ВАНЯ-МАФИЯ. Это какой же темперамент у девушки всеу транжируется!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Отгаскивает Маню) Да нет тут ничего! Пошла отсюда! А то, таких пенделей навешаю!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Пантелеевне вполголоса) Напоминаю тебе, Пантелеевна, что у нас свобода вероисповедания. И даже, если бы все они стали творить намаз, тебе вмешаться никто права не дал!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Права не дают, права берут! Всем разойтись! Официально заявляю! Нет на стене ничего!

КУТУЗОВ. (Обходит Пантелеевну) Обиду мою веси разреши ту яко волнени.

На площади появляется Фрицыч, перед собой он толкает некое сооружение, претендующее на звание инвалидной коляски. На этом сооружении в неудобной позе сидит Оксана в телогрейке, в платочке и валенках. Оксана пребывает в апатии, скорей всего, это её обычное состояние; ничего ей не мило, смотрит вверх без всякого выражения на лице. Производит впечатление умственно отсталой.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Устремляется к Фрицычу) Фрицыч!

Фрицыч резко останавливается и гневно смотрит на Пантелеевну так, что та поперхнулась.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Обмолвилась, не серчай! Конь о четырёх ногах и то, а у меня - язык один! Маевич! Ты - учитель по всем наукам! Тридцать лет учишь. Так теперь погляди сам на эту стену!

Фрицыч не понимает в чём дело и глядит на Пантелеевну вопросительно.

КУТУЗОВ. К стенке, к стенке, учитель! К стенке, говорят тебе!

Фрицыч поворачивается к Кутузову и глядит на неё.

Пантелеевна подхватывает Фрицыча под руку и увлекает к стене церкви. Оксана остаётся на каталке без всякого внимания.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ставит его прямо перед стеной, всем) Расступись! Вот глянь и скажи - видишь чего или (С намёком) ни хрена не видишь? Отвечай идейно, ориентируй народ, как положено.

Фрицыч смотрит и машинально стаскивает шапку.
Пантелеевна тут же забирает шапку и снова надевает ему.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Многозначительно покашляв) Простынешь!

Фрицыч снова тянется к шапке, чтобы снять, но Пантелеевна удерживает его за руку.

ФРИЦЫЧ. (Пришёл в себя) Ничего на стене нет.
ПАНТЕЛЕЕВНА. Интересно всегда у нас получается! Народ волну гонит, а руководство вообще не видит!
ФРИЦЫЧ. Народ теперь чего хочет, то и видит! Совсем распустили!

Неожиданно Оксана с жутким мычанием высвобождается рывком из коляски. Падает на землю и пытается ползти к стене.

ФРИЦЫЧ. (Кидается к ней) Куда? На минуту не оставить без присмотра! (Пытается её поднять) Это ж мне теперь на весь вечер - стирка!

Оксана отчаянно вопит и стремится к стене.

КУТУЗОВ. Ты её подведи, подведи к Царице Небесной! (Пытается помочь ему приподнять бьющуюся Оксану)
ФРИЦЫЧ. Не дыши на ребёнка религиозным дурманом!
КУТУЗОВ. Ты ж не видал ничего на стенке! С чего про дурман ругаешься? Подведи к Божьей матери сироту! Рвётся девчонка! Пожалей, хоть раз!
ФРИЦЫЧ. (Кутузову) Отойди! (Дочери) Оксана, как себя ведёшь? Немедленно прекрати! Будешь наказана!
КУТУЗОВ. Куда больше наказывать! Её уж Господь и так наказал - таким отцом, как ты!
ФРИЦЫЧ. (Кутузову) Не лезь, сказал! Отойди!
КУТУЗОВ. Вон как девчонка рвётся! Чудо чует! Подведи! Исцелится!
ФРИЦЫЧ. Отойди от ребёнка, кликуша! (Ему трудно справиться с Оксаной, так она изо всех силёнок стремится к церковной стене.)
ГАЛЯ. (Застенчиво, но умоляюще) Май Маевич, допустите Оксаночку! Вреда не будет!
ФРИЦЫЧ. Заведи своих и командуй. А пока, без тебя справлюсь.
ВЕРА. Раз справился! На всю жизнь хлопот!
КУТУЗОВ. Подведи! Чует сиротка, где спасение!
ФРИЦЫЧ. Отвяжись! Только волнуешь. (Оксане) Я тебе задам! Ты у меня покапризничает!
КУТУЗОВ. Грешник, спасения своему дитя не желаешь! Изверг!
ФРИЦЫЧ. Руки прочь, от моей дочери! (Сильно встряхивает Оксану) Успокойся, не то привяжу! (Усаживает, наконец её в коляску)

Оксана отворачивается от всех и горько всхлипывает.

ГАЛЯ. (Вскрикивает) Ой, поглядите, слёзы, слёзы у Богородицы.
ВАНЯ-МАФИЯ. Глянь, председательша, слёзы, блин!

Галя бросается плашмя на землю и страстно молится.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ване-Мафии) Может, НЛЮ?

ВАНЯ-МАФИЯ. Не соответствует!

МАНЯ. Ой, Май Маевич, а вы на каждом уроке говорили, что Бога нет!

ФРИЦЫЧ. Где видишь Бога, дурища! Я тебе на выпускных экзаменах покажу, есть Бог или нет.

МАНЯ. Бог всё равно главней, чем вы, Май Маевич, главней, главней! (Бросается на землю и повторяет) Богородица! Богородица, я верю, верю, верю!

ВЕРА. (Встаёт на колени) Так исполни же всё мне, исполни, а я по свечке, каждую неделю - по свечке! Вот клянусь - как неделя, так свечка! Как неделя – всё свечка! Неделя- свечка, неделя – свечка...

Фрицыч с деловым сосредоточенным видом и так, и эдак ходит вокруг стены и даже замеряет что-то на пальцах.

КУТУЗОВ. (Тихонько подходит к Оксане) А ты перекрестись! Дай помогу тебе правую ручку-то поднять! Вот так и перекрестись! Не горюй! И на твоей улице будет праздник. Сегодня постных пирогов с грибами наделаю, и тебе гостинчик занесу. Крестись, крестись! Всё образуется! Главное - всегда верь. Я, когда партизанами-то командовала, бывало - вот она смерть перед носом, ан нет - снова всё образовалась. А, когда расстреливали, немец один полчаса в меня целился, примерялся; думала - точно конец. Ан нет - всего-навсего только глаза и лишилась. И тебе повезёт! Знай, крестись! Крестится-то - много ума не надо!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ване-Мафии) А, может, привидение? У этой стенки фашисты наших расстреливали, и наши - фашистов, и наши - наших...

ВАНЯ-МАФИЯ. С привидением ничего общего!

ЛЮСЯ. (В тулупе, в ондатровой ушанке, в резиновых сапогах, с молочным бидоном в руках, появляется на площади) Люди! Что за праздник? Умер, что ли кто?

МАНЯ. Мать!

ЛЮСЯ. Манька, ты чего?

МАНЯ. Мать, есть оказывается, Бог, есть!

ЛЮСЯ. Так раз Бог есть, значит и в грязи валяться? А? Я тебе зачем золотые цепочки покупаю? Заколю поросёночка - и тебе цепочку! Ещё заколю - ещё цепочку! Чтоб ты, вся в золотых цепочках, теперь по грязи рассекала?

МАНЯ. Богородица! Богородица!

ЛЮСЯ. Не хами, матери! Я тебе цепочку за цепочкой покупаю, чтоб ты мне хамила?

КУТУЗОВ. (Разворачивает её за плечи к стене) Не базарь, а погляди!

Люся видит и тут же бухается на колени.

ЛЮСЯ. Богородица!

МАНЯ. Вот всегда со мной споришь!

ЛЮСЯ. (Крестится) Что же это? Что же такое? Пресвятая дева, помилуй меня, грешницу!

КУТУЗОВ. Правильно. Что в бидоне-то?

ЛЮСЯ. А?

КУТУЗОВ. Чего у тебя в бидоне?

ЛЮСЯ. Молоко. А что же ещё?

КУТУЗОВ. Поставь у стены, пусть туда слёзы Богородицы капаят. Осветится молоко!

ЛЮСЯ. А не прокиснет? Всё ж пять литров!

КУТУЗОВ. Господи, прости меня и помилуй, за то, что о ней подумала, за то, как в мыслях обозвала.

ЛЮСЯ. (Встаёт, берёт бидон и делает шаг к стене, но останавливается) А током не ударит, бидон-то железный?

КУТУЗОВ. Господи, ещё раз прости! (Люсе) Дай бидон! (Аккуратно прилаживает бидон у церковной стены, снимает с него крышку)

ВЕРА. Вознеси меня, вознеси в райцентр!

ГАЛЯ. Ребёночка мне, ребёночка!

КУТУЗОВ. (Оксане) И крестись, и знай себе - крестись! На отца не обижайся - грех. Зачем-то, значит, Бог тебе такого отца послал. Терпи, не ропщи. А сама крестись да крестись.

Отец Алексей, полный, молодой, весёлый священник в подряснике, въезжает на площадь на подростковом велосипеде, жмёт на звонок, чтоб не задавить никого, а на самом деле ему просто нравится, что звонок звенит, что он молодой и важный, и катит на велосипеде. Радость жизни и доброжелательство переполняют его. Соскакивает с велосипеда и прислоняет его к памятнику.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. День добрый, сельчане!

ВЕРА. Лёнка... (поправляется) Отец Алексей, чудо! Чудо!

КУТУЗОВ. Батюшка прибыл. Он и разъяснит! (По-старинному, подходит под благословение, целует руку, отец Алексей её перекрестил)

ГАЛЯ. Отец Алексей, ведь можно надеяться на чудо? На настоящее чудо? Можно? Ведь бывает же! (Так же подходит под благословение)

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Радостно, с готовностью) И воздастся по вере вашей! Слышал, слышал, на стене церкви - икона Божьей Матери - Знамение! Спешил, спешил сюда! (Идёт к стене церкви)

МАНЯ. А Фрицыч мне двояк вlepил за то, что крестик носила!

ФРИЦЫЧ. (Взвывается) Что ты сказала?

МАНЯ. Пару вlepили! Не помните?

ФРИЦЫЧ. Как ты меня назвала?

МАНЯ. Май Маевич - вот как! (Прячется за Люсю)

ЛЮСЯ. (Фрицычу) Да не вяжись! Она же не по злобе! (Мане) Сколько тебе внушать - не повторяй за всеми! Называют его Фрицычем все, а побьёт одну тебя!

МАНЯ. Сама называешь!

ЛЮСЯ. Только за глаза. Разве в лицо такое скажу? (Фрицычу доброжелательно) Да ладно, не злись ты... Отойди от нас, Фрицыч!

ФРИЦЫЧ. Опять?

ЛЮСЯ. Извини ты, извини! Вот, привязался!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Стоит перед стеной) А где знамение, прихожане?

ВАНЯ-МАФИЯ. (Подходит, смотрит на стену и свистит) Было, да сплыло!

КУТУЗОВ. (Кидается к стене, щупает) Вот здесь было... вот здесь светилась... Ещё стенка тёплая!

ФРИЦЫЧ. (Расхаживает и с разных ракурсов рассматривает стену) Любопытно, любопытно... (Пристально смотрит в небо, удовлетворённо) Да. Да, так, так... крайне любопытно...

ВЕРА. Было, Отец Алексей, было! Я для себя толком ничего и попросить не успела!

ГАЛЯ. Была Божья Мать, Отец Алексей, была! Я верю, верю!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Да не было ничего! И быть не могло! И доказать не сумеете!

МАНЯ. Эх, я б ещё поглядела!

ФРИЦЫЧ. (Осматривает и даже выстукивает стену, бубнит) Так, так... всё понял! (Торжествующе) Понял абсолютно всё! Для мощного ума загадок нет!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Дразня всех) Чего понял, Фри... (Осекается) Чего понял, Маевич? Не было и не было, и понимать нечего!

МАНЯ. Как - не было? Не надо! Я видала!

ФРИЦЫЧ. Молчи, двоечница! Видать-то ты умеешь, а понимать, чего видишь - не выучилась!

ЛЮСЯ. А чего понимать? Богоматерь - да и всё! Сеанс чуда!

ФРИЦЫЧ. Я понял. Сейчас объясню. Всё просто. Транс мутация элементов, интерференция волн от излучения и материализации энергоинформационного поля Вселенной, проявление в видимом диапазоне образов, находящихся в электромагнитном состоянии.

ПАУЗА.

КУТУЗОВ. Сам-то понял, чего сказал?

ФРИЦЫЧ. Ещё раз объясняю.

КУТУЗОВ. Не надо нам! Эти коммунисты всегда такие; только народ вдохновится, они тут как тут, со своими глупостями! Подтверди знамение, Отец Алексей! Рази их божьим словом, рази!

ФРИЦЫЧ. Какой он вам отец? Он у меня в огороде яблоки воровал! Я ему лично солью из ружья в задницу впарил! Лоботряс он, а не отец!

КУТУЗОВ. Яблоки... в задницу! На себя погляди! Говори, Отец Алексей!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Что ж сказать? Братья и сестры! Я не могу вступить в ваш спор, ибо не ведомо – божественное, или демоническое сие явление.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Оживляется) Дьявольское, непременно дьявольское! Дьяволу молились дураки.

КУТУЗОВ. Вот они - коммунисты! В Бога поверить - никогда не согласны, а в дьявола - за милую душу!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Если и было знамение, то Господь повторит его обязательно. Это обязательно будет иметь смысл. Молитесь, кайтесь. Господь явил милость направить на путь спасения.

ФРИЦЫЧ. Опиум. Дурман. Демагогия. Мракобесие. Сектантство.

ЛЮСЯ. Так что же - выходит - не верь глазам своим?! Выходит, зря пять литров молока запортила? Отец Алексей, вот же я пять литров своего молока поставила, чтоб Богоматерины слёзы капали. Так это молоко теперь хоть поросям спить можно, или и поросям - нельзя?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Как сказал Господь в Библии - каждой вещи своё место! (Убеждённо) Зачем сюда, к иконе-знамению - молоко? Молоко - это не святое. Мирру надо было собрать на чистый платочек. А зачем молоко? (Засомневался) Хотя, каждому - по вере вашей. Если Господь явил свою милость через икону Божьей Матери - Знамение, то повторит, непременно повторит. Просите - и воздастся по вере вашей!

ВЕРА. Запуталась я, Лёха... (Осекается) Отец Алексей! Если я просила и верила, то всё получу?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Воздастся по вере.

ВЕРА. Мало просила, эх!

ЛЮСЯ. Всегда тебе мало, шалава!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Будьте мудрыми, как змеи и кроткими, как голуби.

Оксана внезапно отчаянно и нечленораздельно зарыдала. Все смотрят на неё.

ГАЛЯ. (Порывисто) Бедняжка, бедняжка! Пред твоим горем - себя жалеть - грех! Тебе - хуже всех!

ФРИЦЫЧ. (Сдержанно обнимает Оксану) Ладно, доченька! (У него явно перехватило в горле от жалости) А какая умненькая была, когда ещё маленькая... а какая понятливая и смышлёная! В три года всех вождей наизусть знала! Тычет пальчиком; у Горбачёва - родинка, у Ельцина - щечки... И тут около памятника гуляли, так лепетала; "Здравствуй, дедушка Ленин..."

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. На всё - Божья воля! (Убеждённо) Господь повторит чудо, повторит!
ПАНТЕЛЕЕВНА. (Столь же убеждённо) Повторит, когда рак на горе свистнет! Нельзя повторить, чего не было!

И вдруг - удар колокола... и поплыл медленный протяжный звук. Звук словно бы от памятника Ленину. Все оборачиваются и смотрят на памятник.

КУТУЗОВ. Колокол?

ВЕРА. И так близко!

ВАНЯ-МАФИЯ. Колокол. Точно.

Звук угас.

ФРИЦЫЧ. Почудилось. Нынче что-то с атмосферными явлениями.

И снова - удар, мощней первого. Низкий басовый голос. И поплыл звук...

КУТУЗОВ. Колокол!

ВАНЯ-МАФИЯ. Колокол.

ГАЛЯ. Колокол, Боженьки!

ЛЮСЯ. А где же у нас колокол? Нет здесь нигде колоколов в Жёлтой Грязи!

МАНЯ. Как - нет? А в Чёрной Грязи?

ЛЮСЯ. Это ж десять километров!

ГАЛЯ. Не может быть! Словно бы, рядом - колокол!

ФРИЦЫЧ. Ну и что, что десять? Иногда атмосфера позволяет. В критические дни.

Звук угасает.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Почудилось.

КУТУЗОВ. Всем сразу почудилось?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Почему - всем? Я вообще ничего не слышала!

И снова - удар. Тон густой ровный, без призывков. И плывёт широко и высоко звук.

КУТУЗОВ. Кайтесь, кайтесь... Предупреждение!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Эка, невидаль - в колокола ударили!

КУТУЗОВ. Так ты же самолично колокольно и звонницу-пристроечку при колокольне крушила. И колокола волокли на санях в район на переплавку. И народ плакал: "Гибнут, гибнут колокола?" А какие были! Вечевой - с латинской надписью, с XVI века, говорят. Красный его звали, праздничный. У него и имя было - Римлянин. А ещё - Моторинский колокол, с XVIII века, с письменами, с орнаментом, с московским пейзажем, с изображениями святых угодников... Зачем, зачем сгубила? (Наступает на Пантелеевну)

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Пятится) Так разве это я? Сколько народу колокольно громило!

КУТУЗОВ. Громили толпой, а ответ держать всякий будет по отдельности. Кайся и молись! Теперь по всей стране коммунисты в церквах со свечечками встали. Даже по телевизору так показываются. Это они каются, каются и молятся - вот что они делают!

Звук угас, но тут же пошли короткие мерные удары, в них словно бы призыв:” К нам, к нам, к нам...” Частый благовест и трезвон.

КУТУЗОВ. Люди, люди, это же наши, наши колокола! Живы! Живы! Я узнаю их голоса!
 ПАНТЕЛЕЕВНА. Да причём тут те колокола? Те колокола давно смолкли!
 КУТУЗОВ. Их голоса! Родные мои! Ты-то, Отец Алексей не помнишь, потому что тебя и на свете ещё не было! А мне разве забыть? Разве можно забыть молодость и родные голоса. Вот он “Лебедь”, “Георгий”, “Крест”, “Неопалимая Купина”... Весёлые колокола! И этот, что дребезжал, по прозвищу “Козёл”... И его слышу! Милые мои, родные мои, любимые мои, хорошие! Живы, живы! Вернулись!

Колокола смолкают. Все стоят молча.

ФРИЦЫЧ. А здесь что - колокольная была, Пантелеевна?

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Неохотно) Была когда-то... Потом уж на этом месте памятник Ильичу воздвигли.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Неуверенно) Доложить Благочинному округа?..

И вдруг начинается уже иной звон. Длинный ход от малых за- звонных колоколов (по пять ударов в каждый), постепенно прибавляются большие колокола - звук нарастает крещендо. И наконец - фортиссимо - те же пять ударов бьют все колокола вместе. Мужчины переглядываются и стягивают шапки. Оксана оживает, отбрасывает назад голову, смеётся блаженным смехом. И обрывается колокольный гомон ударом наибольшего колокола.

КУТУЗОВ. (В полной тишине) Бывало, в светлую пасхальную седмицу, покойный батюшка Мифодий, Царствие ему Небесное, - принял он мученический венец, - бывало, позволит детишкам забраться на колокольню. И вот - держу верёвку от самого главного, от самого большого колокола... Колокол зелёный, словно бы плесневелый... А язык у него пудов пять... Я тяну верёвку, а язык скрипит, скрипит... В ушах - больно и боязно, что не раскачать мне его... Тяну, тяну, шепчу, прошу Божьего благословения и, наконец, бью языком о край колокола... а потом уж по инерции, с большей силой - посылаю в противоположный конец... И не верится, что ты, ты сама сделала, что плачут, и стонут, и молятся колокола... И от глади озера звон словно бы отражается, и ввысь, ввысь! И блещет моя душа! И радостно и гордо гляжу с высоты! А какой простор, а какая чистота! Поля, леса, овраги, речка широко разлилась, озеро, как море! И мама едет на телеге... Мама моя молодая, в светлой кофточке, и жёлтый веночек на голове, как нимб... И что диво - вижу, вижу эти жёлтые цветочки в венке, на короне из толстых кос... Мама моя, где ты, отзовись! Россия моя ненаглядная, страдальная, где ты? Отзовись!

И, словно, отозвалась Россия колокольным трезвонном. Словно перебирают все колокола разгонным звоном. И звук радостный, торжественный, утешающий.
 Краткий трезвон.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Вдруг страстно) И я, и я лазала, и я в колокола звонила! Верните мне мой Советский Союз, верните, аферисты! Как жить? Выброшена, растоптана! Шли по деревне пионеры в белых рубашечках, в красных галстуках, впереди горнист. С утра под

гимн вставали! Были праздники, была работа, был народ. Куда сгнуло в одночасье? Почему меня не спросили? Это сейчас к Богу-то все кинулись, потому что чуют - сатана кругом!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Сразу, без предупреждения) О, Всемилостивая Госпоже Владычице Богородице! Воздвигни нас из глубины греховная и избави нас от глада, губительства, труса и потопа, от огня и меча, от нахождения иноплеменных и междоусобная брани, и от напрасная смерти и от нападения вражий, и от тлетворных ветр, и от смертоносной язвы, и от всякого зла. (Он читает в том же ритме, что и обычно на службе в церкви, не очень разборчиво, с загадочными акцентами) Подаждь, Госпоже, мир и здравие рабом Твоим...

Кутузов присоединяется к акафисту, старательно, хоть и сбивчиво вторит. Присоединяется и Галя, и, видно, что она молитву знает хорошо. Люся и Вера подхватывают отдельные фразы, пытаюсь их предугадать.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ... всем православным христианам, и просвети им ум, и очи сердечнии, еже ко спасению; и сподоби ны, грешная рабы Твоя, Царствия Сына Твоего, Христа Бога нашего; яко держава Его благословенна и препрославлена, со Безначальным Его Отцом, и с Пресвятым и благим, и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

Появляются Инна и Сергей с кинокамерой.

“Аминь, Аминь” - подхватывают все, кроме Фрицыча. Оксана смеётся. Фрицыч застыл с каменным выражением лица.

ИННА. (Сергею) Снимай навскидку! Пока непонятно, что тут за левая тусня, но кадры - ураган! На центральное телевидение прорвёмся! Снимай!

Сергей поспешно готовит камеру.

ИННА. Да скорей, скорей! Чёрт бы побрал, эту студийную машину, в луже застряла. С ней всегда только к финишу засветишься!

Колокола смолкли окончательно. Молиться перестали. Все, молча, рассматривают Инну и Сергея.

ИННА. (Бойко) Привет!

С ней вразной здороваются.

ИННА. Районное телевидение! Поступил сигнал, что здесь, у вас - чудо! Неопознанное явление! Мы отреагировали мобильно, но машина застряла в луже, и с полкилометра пришлось бежать, да ещё эту бандуру (кивает на аппаратуру) тащить на себе! Готов или нет, Серёжа?

СЕРГЕЙ. Вроде.

ИННА. Тогда - приступим! Где чудо?

Все молчат.

ИННА. Подскажите же - где чудо? Надо отснять для телевидения.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Кончилось всё.

ФРИЦЫЧ. Что значит, кончилось? Ничего не кончилось. Просто вообще ничего не было, кроме физических законов.

ВЕРА. Стыдно, Май Маевич! Было!

МАНЯ. (Истошно) Было, было!

ИННА. Только без базара! Лучше ещё раз помолимся. Было эффектно, но Серёжа не успел, потому что наша машина застряла в вашей луже. Встаньте, как стояли... (Отцу Алексею) Вот - вы, вы в дурацком прикиде, вроде, на священника смахиваете...

ВЕРА. Это - наш Отец Алексей.

ИННА. Вперёд, Алёша! Начинай молитву! Серёжа, готов?

СЕРГЕЙ. Всегда готов!

ИННА. (Отцу Алексею) Ну, молись, молись же... Ты - на первом плане!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Это недопустимо! (Отходит)

ИННА. Как же трудно с нашим народом работать! Как же трудно с нашим народом что-то делать! (Замечает Галю, подходит к ней) Лицо знакомое... Где я вас могла видеть?.. (Тянет её за руку) Можно вас на первый план, запевай, так сказать... Молитесь! А ты, Серёжа, возьми её крупным планом, у неё лицо такое иконистое... Самое - то!

КУТУЗОВ. Да кто же тебе станет на заказ молиться?

ИННА. (Гале) Я вас прошу! Нас же прибьют за зряшный расход бензина! Ну, помолитесь немножечко, трудно, что ли... Вас вся страна увидит! Серёжа, возьми её пока средним и ближе, ближе...

Сергей наводит камеру на Галю и вдруг оставляет камеру, подходит к Гале и смотрит на неё, как замороженный, не помня себя.

ИННА. Серёжа, что с тобой? Ты работать сегодня вообще, или как?

Сергей неотрывно смотрит на Галю. Галя стоит некоторое время, не подымая глаз, потом разворачивается и идёт прочь.

СЕРЁЖА. (Бежит за ней) Галя! Галя! погоди!

ГАЛЯ. (На ходу, не поворачиваясь) Что?

СЕРЁЖА. Прошло три месяца, шесть дней, семнадцать часов и десять минут, как ты покинула меня, а я люблю тебя всё так же! Я искал. Искал, искал, а нашёл нечаянно. Вернись ко мне обратно! (Берёт её за руку)

ГАЛЯ. Пусти! Люди смотрят.

СЕРЁЖА. Прости! (Встаёт на колени) Прости меня! Не я попрекнул, водка! Пьян был, вот и ляпнул! Сама знаешь - пить не умею. А тут уговорили, и потерял себя и... тебя. Ты смотрела на меня строго, и права, права была... А я спьяну-то зафанаберился и попрекнул. Галя, Галчонок, не надо никакого ребёнка, только ты мне нужна! Не можешь родить - не надо! Так проживём. Не надо ребёнка!

ГАЛЯ. (Оборачивается) Значит, тебе ребёнка не надо?

СЕРЁЖА. Не надо! Я вообще не понимаю, зачем дети нужны? От них только хлопоты и неприятности.

ГАЛЯ. А мне - надо ребёнка, мне - надо! Вот что делать мне, скажи - надо мне ребёнка, надо! Что ты сделаешь?

ВЕРА. А что он сделает? Родит вместо тебя, что ли?

СЕРЁЖА. Если б мог, Галочка!.. Клянусь, для тебя родил бы!

ИННА. (Возбуждённо Вере) Вспомнила! Его жена бывшая! В буфете на телестудии работала. До сих пор место держим. Она его ни с того ни с сего бросила, а так любили друг друга. У него крыша и поползла. Бывает, едем в машине, а он чуть ли не на ходу

выскакивает, за кем-то бросается, всё она ему мерещится. Это - сюжет! Влегкую, можно на центральное телевидение прорваться! (Начинает снимать)

КУТУЗОВ. (Инне) Ты зачем?

ИННА. Нетленка намечается!

КУТУЗОВ. У них - личное. Никого не касается.

ИННА. Я - художник, врубаются, бабуля? Художник! Ищу свой сюжет! Не намерена всю жизнь торчать в райцентре! Мне нужен весь мир!

СЕРГЕЙ. (Гале) Прости! Поехали домой, прямо сейчас! Поехали, Галочка моя!

ВЕРА. Везёт же! Не думала, не гадала - бах, ни с того, ни с сего - в райцентр умоляют!

Ой... (Приседает) Чего-то замутило меня, как-то чего-то замутило!

ЛЮСЯ. От зависти!

КУТУЗОВ. (Вере) Дыши глубже, дыши чаще!

Вера старательно дышит.

СЕРГЕЙ. (Гале) Поверь мне, поверь, сам не свой без тебя. Скажи хоть слово!

ГАЛЯ. Значит, не хочешь ребёнка, такой ты благородный?

КУТУЗОВ. (Вере) Отдышалась, Верка?

ЛЮСЯ. Вряд ли ей удастся отдышаться от этого!

ВЕРА. И вот так уж неделю, раза три на дню! Не рак ли у меня, не приведи Бог? Провериться, что ли? В район съездить?

ЛЮСЯ. И не трясись в район! Я тебе тут, на месте скажу. У тебя этот рак по четыре раза в год!

КУТУЗОВ. Ну, Верка, ты себя хоть чуть-чуть, хоть изредка блюла бы!

ВЕРА. Как блюсти? В автобусе толкнут - уже беременная!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну, это, смотря чем тебя в автобусах-то толкают!

ВЕРА. (Огрызается) Отвали, уголовник. Уж с тобой-то я в автобусе рядом не встану.

СЕРГЕЙ. (Гале) Поедем сейчас же, Галочка, я больше ни часа без тебя не могу!

ВЕРА. (Налетает на Галю) Что? В райцентр уезжаешь? Ты - в райцентр, а я - беременная!

Из-за тебя беременная! Говорила, не суйся в мою молитву со своим ребёнком!

Запуталась Божья Матерь! Тебя - в райцентр, а меня - на аборт!

СЕРГЕЙ. Галя, скажи!

ГАЛЯ. Нет.

СЕРГЕЙ. Что - нет?

ГАЛЯ. Не поеду с тобой, нет. (Уходит) В монастырь уйду.

Сергей бросается за ней.

ГАЛЯ.(Резко) Не ходи за мной! (Уходит)

Сергей останавливается в растерянности.

ВЕРА. Во - малохольная, а? (Сергею) Да и ты - пентюх, вот что скажу.

ИННА. Серёжа, что-то снять надо! За зряшный расход бензина разгон будет! У меня и без того два выговора. Не снимем ничего - попрут. Выручай!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Выступает вперёд) За камеру - Сергей! Всё что вам надо - это я!

ИННА. Давай, Сергей! Я, как художник, чую, это - персонаж! Очнись, и за дело! А с Галей улажу. Отснимем и улажу.

Сергей встаёт за камеру.

ВАНЯ-МАФИЯ. (Широко) Общее внимание! Касается всех и каждого! (Сергею) Готов?

ИННА. (Сергею) Готов?

СЕРГЕЙ. Готов...

ИННА. (Ване-Мафии) Вещай!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Внушительно и солидно) Заявление российского масштаба. Посёлок Жёлтая Грязь объявляет о проведении конкурса красоты. Победительница будет участвовать во всемирном конкурсе на звание Мисс Мира!

ИННА. Любопытное заявление! Представьтесь, пожалуйста, нашим телезрителям!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ваня. Председатель жюри конкурса.

ИННА. Расскажите о себе. Кто вы? Откуда? Как пришла вам в голову подобная идея?

ФРИЦЫЧ. Уголовник. Только из тюрьмы. Мафия.

ВАНЯ. Да. Я - мафия. Согласно сложившейся в России практике, жюри конкурсов красоты обычно возглавляет именно представитель мафии. В этом мы не стали уклоняться от традиции.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Во - язык без костей! А!

ВАНЯ. Члены жюри - также различные. Ветеран войны, бывший командир партизанского отряда, герой труда и труженица полей, а ныне заслуженная пенсионерка Куту... (Замаялся) Конкретные имена пока оглашать преждевременно.

КУТУЗОВ. А что? Ничего не соврал.

ВАНЯ. А также в рядах жюри священнослужитель, отец Алексей...

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Не подобает. Недопустимо. Соблазн.

ВАНЯ-МАФИЯ. Недопустимо участвовать в фольклорном народном празднике, где будут водить хороводы, и выбирать девицу-красавицу? Разве долг священнослужителя быть в стороне от народа и в горе и радости? Заострю вопрос: нужен ли народу такой священнослужитель, который вдалеке от народа, высокомерно пренебрегает народным праздником? Бросаю вам вызов, Отец Алексей! Предлагаю широкую дискуссию!

ИННА. Священника - крупным планом, Серёжа.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Не надо - крупным. Я спрошу совета у Благочинного.

ВАНЯ-МАФИЯ. Наша красавица должна прославить Жёлтую грязь на весь мир! Мы твёрдо намерены обогнать мир по красоте и выйти на всемирный уровень! Поэтому, в жюри приглашены иностранцы. В частности, представитель дружественной Германии, полпред большой науки в Жёлтой Грязи, наш Макаренко - Май Фрицыч!

ФРИЦЫЧ. Я тебе сейчас покажу Фрицыча! Бандит!

ИННА. Товарищ Фрицыч, съёмка же идёт!

ВАНЯ - МАФИЯ. Отцов не стыдятся! Чему вы только детей учили?

ФРИЦЫЧ. Я тебе...

ВАНЯ-МАФИЯ. На вас, Май Фрицыч, смотрит вся страна и, частично, весь мир!

Фрицыч отступает.

ВАНЯ-МАФИЯ. Май Фрицыч подгадал родиться в День Победы. Отцом его стал гражданин Германии. Предположительно, Фриц. Отзовитесь, господин Фриц! У вас в России сын, которым можете гордиться! Приезжайте! Вы - не чужой в Жёлтой грязи! Привозите материальную поддержку, мы не унижим вас отказом. В данный исторический момент, зачем скрывать, Жёлтая Грязь остро нуждается в привлечении иностранных инвестиций. А, если с капиталами швах, приезжайте по-простому. Здесь у вас - семья. Любящий сын, который выучил несколько поколений. И именно благодаря таким, как Май Фрицович, наша страна вступила и пошла, сами видите - куда! Здесь у вас внучка. Ей очень нужен дедушка!

ИННА. Камеру на Фрицыча.

ФРИЦЫЧ. Что? Что? Зачем это?

ИННА. Вы хотели бы увидеть своего отца?

Фрицыч растерялся и молчит.

КУТУЗОВ. Нехорошо, Фрицыч, от отца отречься, ох негоже! Скажи ему, Алёша!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Грех.

ИННА. Так вы хотели бы увидеть своего отца? Германия и Россия давно уже не враги.

КУТУЗОВ. Насмотрелась я тогда на этих врагов. Тоже люди разные. А твой-то отец, Фрицыч, хороший был человек. Твоя мать его любила. И я его хорошо помню. Он меня как-то расстреливал! Пригласи его к нам!

ИННА. Так вы приглашаете своего отца в Жёлтую Грязь?

ФРИЦЫЧ. (Хмуро) Приглашаю.

ВАНЯ-МАФИЯ. (Щёлкает пальцами, чтоб снимали его, дожидается и продолжает) А также в жюри представитель официальных лиц - Пантелеевна.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (С ходу) Туда говорить?

ИННА. Да, пожалуйста. Пантелеевну возьми крупно!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Уважаемый господин президент! Как ваше здоровье?

ВАНЯ-МАФИЯ. Стоп! Отбой! Насчёт пенсий преждевременно! Крупный план на меня. Красота спасёт мир! Всем известно, кто это сказал.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Известно, известно. Пушкин.

ИННА. Нет, не Пушкин! Это сказал Чехов.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ване-Мафии) Говорила тебе, сам не знаешь.

ВАНЯ-МАФИЯ. Так я и сказал тебе - Чехов! Ты всё перепутала. Красота спасёт мир - сказал великий писатель Чехов.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Простите, но сказал Достоевский.

ИННА. Вы уверены?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Истинно, Достоевский. Только не совсем так сказал. Правильнее-красота и добро спасут мир.

ФРИЦЫЧ. Пока красота спасает мир, уроды его окончательно уничтожат.

ИННА. Мнения разошлись. Вы, Ваня просто скажите, мол, наш великий классик сказал, а мы после смонтируем. Я сейчас не имею права на ошибку.

ВАНЯ. Великий классик сказал: красота и добро спасут Жёлтую Грязь! Этот конкурс вдохнёт свежий ветер! Мы пригласим спонсоров в Жёлтую Грязь под лозунгом: автомобиль - в каждый двор! Мы поставим ультиматум правительству - немедленно выплатить пенсии Жёлтой Грязи!

ФРИЦЫЧ. И зарплаты!

ВАНЯ. Да! И зарплаты! Время компромиссов позади! Ибо, Жёлтая Грязь должна оказаться в центре мирового внимания не как сборище нищих, обворованных государством, но как граждане великой державы, вступившей на тропу демократии!

СЕРГЕЙ. Плёнка кончилась.

ИННА. Сюжет - ураган! Будем следить за развитием событий в Жёлтой Грязи!

ВЕРА. А, если я в райцентр переберусь, мне дадут автомобиль?

ЛЮСЯ. Здравсти! С какой стати позволить райцентру наши автомобили расхватывать?

МАНЯ. Начепурюсь, втиснусь в авто - и в Чёрную Грязь, на дискотеку!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Так я не уловила: ты, Мафия, насчёт автомобилей, уже вопрос уладил, или что? И на кой нашим старикам автомобили? Ты уж, Мафия, передоговорись, чтоб им деньгами или продуктами!

КУТУЗОВ. Ой, насмешили! Русские люди - чисто дети! Вечно подарков ждут! Ну, кто, кто вам надарит автомобилей?

ВЕРА. А чего? Вон по телику каким-то проституткам всю дорогу что-то дарят! А мы - труженики! И даже своего за труд не получаем. Должна же и нам когда-нибудь свалиться халява?

КУТУЗОВ. Так потому и халява проституткам, что мы, труженики, своего не получаем.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Не сквернословьте, братья и сестры!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Видишь, Фрицыч, что творится? Если у народа крыша поехала, то хотя бы пусть едет организованно и под нашим контролем!

КУТУЗОВ. Праздник - да! Праздник нужен для радости! Я - за праздник. А в халяву не верю!

ВАНЯ-МАФИЯ. А знамение? Только Пантелеевна произнесла: разрешу праздник, если знамение будет, и тут же Богородица! Грядут перемены! Возродится Жёлтая Грязь! Снова наладится добыча глины, снова станут платить пенсии и зарплаты! С нами - Бог!

КУТУЗОВ. Да ты - президент, митрополит и мафия, в одном лице!

СЕРГЕЙ. Пойдём к Галине! Ты обещала.

ИННА. (Всем) А где может быть сейчас Галина?

ПАНТЕЛЕЕВНА. А вот обойдите правление, с той стороны - пристроечка. В ней временно и проживает Галина.

ИННА. Приглядите за аппаратурой!

Инна и Сергей уходят.

МАНЯ. (Ване-Мафии, с подтекстом) А ты ничего, если приглядеться! В тюрьме с кем-нибудь переписывался?

ВАНЯ-МАФИЯ. Успех у женщин сопутствует мне повсюду.

МАНЯ. А чего же ты тогда к своим заочницам не поехал?

ВАНЯ-МАФИЯ. Мои перспективы неожиданно для меня самого упёрлись в Жёлтую Грязь. Да и девушки здесь привлекательные!

МАНЯ. Да у нас и нет девушек! Я - единственная. Не считать же Оксану!

ВАНЯ-МАФИЯ. Так я могу ожидать хоть одну сегодня на огонёк? Хозяйство пока не наладил, угостить нечем. Так что попрошу всё, что требуется, прихватить.

МАНЯ. Да ты лучше сам к нам приходи!

ВАНЯ-МАФИЯ. А твоя мать?

МАНЯ. А чего? Она только одно и стонет - за кого, да за кого тут тебя замуж выдавать!

ВАНЯ-МАФИЯ. Я, конечно, польщён, но... от знакомства до женитьбы обычно имеют место быть некоторые промежуточные личностные отношения. Ты как на это?

МАНЯ. А с чего мне быть против?

ВАНЯ-МАФИЯ. И последний интимный вопрос. Сколько тебе лет?

МАНЯ. А что?

ВАНЯ-МАФИЯ. Да так.

МАНЯ. А всё-таки?

ВАНЯ-МАФИЯ. Да уж хотелось бы.

МАНЯ. А зачем? Я - не перестарок.

ВАНЯ-МАФИЯ. Не сомневаюсь. А вот как насчёт - совершеннолетняя или нет?

МАНЯ. А что?

ВАНЯ-МАФИЯ. А всё-таки, с этим как?

МАНЯ. С чем?

ВАНЯ-МАФИЯ. С годами! Восемнадцать есть?

МАНЯ. Женщины всегда врут и скрывают свой возраст.

ВАНЯ-МАФИЯ. Так ты, в какую сторону врешь? Убавляешь или как?

МАНЯ. Мне убавлять некуда.

ВАНЯ-МАФИЯ. Совершеннолетняя или нет? Отвечай, или базар сворачиваем!

МАНЯ. Совершеннолетняя. Но причём тут это, не понимаю?

ВАНЯ-МАФИЯ. Предупреди мать, что гость будет.

МАНЯ. Вот оно - знамение!

ВАНЯ-МАФИЯ. Со знамением или без знамения, куда б я делся? Без женщин жить нельзя на свете, нет!

МАНЯ. Mam, поди!

Люся подходит.

МАНЯ. Сегодня Ваня придёт ко мне в гости!

ЛЮСЯ. Ой, когда же я успею приготовиться? Ой, да что же ты раньше не предупредила?

ВАНЯ-МАФИЯ. Не беспокойтесь. Поем, что дадите. Лягу, куда положите. И вообще, если чего - могу, по хозяйству, да и вообще.

ЛЮСЯ. (Манерно) Да уж обратила внимание, какой вы труженик. Только с автобуса - и сразу огород копать! И всё-то копали, копали, словно бы искали чего... Я ещё Маньке-то говорю; глянь, чего москаль там копает, словно клад ищет...

ВАНЯ-МАФИЯ. (Переводит разговор на другую тему) Готовы ли вы сохранить рассудок, когда ваша дочь выйдет на мировой уровень по красоте?

ЛЮСЯ. Маня у меня конечно интересная. И лицо у ей русское. А только сомневаюсь - полновата вроде. Раньше ценили, чтоб девушка в теле, а теперь одни костлявые на виду. Не повредит ли Манечке полнота-то?

ВАНЯ-МАФИЯ. Здесь не повредит, здесь в самый раз. Это я, как председатель жюри, вам намекаю. Не повредит. Поняли намёк? Но для мирового уровня необходимо сбросить, ну так, по мелочи, пару пудов.

МАНЯ. Ну, что за наказание! Меня дачники учили, как похудеть. Сказали - ешь только варёные яйца и всё! Я пол лета мучилась, хоть бы на грамм похудела. Три раза на дню бегала взвешиваться в коровник.

ЛЮСЯ. Просто и себя извела, и меня извела. Просто измывалась над собой!

МАНЯ. Клянусь здоровьем, ничего кроме варёных яиц в рот не брала! Меня уж мутить от них стало. По полсотни в день съедала! И всё зря!

ЛЮСЯ. Кто бы подсказал, как похудеть. Озолотила бы кажется, ничего не пожалела бы, ничего! Так хочется, чтобы Манина красота не пропала, чтоб польза Мане была от красоты-то! Ну, вот как ей похудеть? Озолотила бы того, кто подскажет, озолотила бы! Но никто не знает!

КУТУЗОВ. (Подошла незаметно) Я знаю. Дам ей средство. За неделю отощает. А ты, Люся, принесёшь мне поросёнка.

ЛЮСЯ. Поросёнка! Уж больно много запросила.

КУТУЗОВ. Поищи дешевле!

ВАНЯ-МАФИЯ. Торг неуместен. Решается Манина карьера!

ЛЮСЯ. По мне, незачем худеть! И так - красавица, видная...

МАНЯ. (Остервенело) Мать, всегда со мной споришь!

ЛЮСЯ. Да не спорю. Ходи худая и страшная. Отдам поросёнка! Только не сразу отдам, а как увижу, что похудела.

КУТУЗОВ. (Мане) Приходи ко мне завтра с утра - дам средство!

Появляются из-за угла понурый Сергей и за ним Инна. Она размахивает руками.

ИННА. Ой, как тебе повезло! Как повезло! Просто повезло! Повезло, что она тебя бросила! Совершенно несовременная женщина! Для неё, весь смысл жизни - в ребёнке. Дикость, домострой какой-то! С такими взглядами она запрёт тебя в четырёх стенах и всё! Ничего в жизни не сделаешь, ничего не увидишь! В мире столько интересного,

столько теперь возможностей... Надо всюду побывать, всё увидеть... Мы же с тобой творческие люди! Нам нужен весь мир, а не четыре стены!

СЕРГЕЙ. Отстань, слушай, а? Помолчи! (Собирает аппаратуру)

ИННА. (В пространство) Дождь накрапывает. Пока доберёмся до машины, простуда обеспечена.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Всего доброго всем! Благослови Бог! Мне надо поспеть к службе в Чёрную Грязь. (Берёт велосипед)

ИННА. Лёшь, подкинь на велике, до машины? Серёжка, дотащишь без меня?

СЕРГЕЙ. Езжай. Справлюсь.

ИННА. (Отцу Алексею) Подбрось, тут с полкилометра, не больше. Я простужаюсь влегкую. А сейчас нельзя мне болеть. Ни дня. Выручи, пожалуйста!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Как же я вас подвезу?

ИННА. А на раме! Я ловкая.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Ну, не знаю.

КУТУЗОВ. Простудится девка! Помоги!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Надо помочь, пожалуй.

Отец Алексей садится на велосипед, Инна вспархивает на раму. Он проезжает два-три метра, и оба падают.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Встревожено бросается подымать Инну) Не ушиб вас?

ИННА. Ничего, ничего, бодрит!

КУТУЗОВ. До свадьбы заживёт!

ИННА. (Смеётся) Вторая попытка!

В течении следующей сцены они предпринимают ещё несколько неудачных попыток усесться вдвоём на велосипед. Отец Алексей тоже хохочет.

ЛЮСЯ. Хорошо-то как! Но, пора и нам! Дела брошены, свинки не кормлены, ещё гость сегодня... Побегли, доча!

МАНЯ. Побегли?

ЛЮСЯ. Побегли. Надо.

МАНЯ. А кто растяпа?

ЛЮСЯ. А кто?

МАНЯ. А кто всегда! Побегли! А молоко чьё у церкви прохлаждается?

ЛЮСЯ. Умница доча, у меня из головы вон... Подхватываем да понесли!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Галантно) Позвольте помочь? (Берёт бидон)

ВЕРА. Здравсти! Как это понесли? Молоко теперь общее!

ЛЮСЯ. И тебе - здрассти! С какого перепугу, моя корова стала общим молоком доиться?

ВЕРА. Так святое же молоко! Скажи, Кутузов!

КУТУЗОВ. Верно. Отмерь, Люся, всем по бутылочке!

ЛЮСЯ. Никак нельзя! Сейчас пойду по огороду, из угла в угол, наберу молока в рот и фу, фу... (Показывает, как азартно она будет опрыскивать землю) После - в хлев, немножко в пойло подмешаю свинкам... И в избе надо. Что тут молока-то? Пять литров, и то неполных. Самой мало! Ставили бы! Кто не давал? А то всё к Люсе - Люся, дай, Люся, помоги. Что вам Люся далась? Богадельня Люся, что ли для всех? Днями колочусь, ночами вскакиваю - во как всё достаётся. А вы только - Люся, дай! А за спиной осуждаете, что мол много работаю, жадная!

МАНЯ. Кончай оправдываться, мать! Никому ничем не обязана!

ВЕРА. Ну и жадная ты, Люська!

ЛЮСЯ. Не жадная, а справедливая.

КУТУЗОВ. Ну, Бог с тобой! Оксаночке только хотя бы отлей молочка! Пожалей несчастную. Опрыскать её святым молочком-то! Вдруг польза?
 ЛЮСЯ. (Засомневалась.) Да во что же я отолью-то?
 ФРИЦЫЧ. Не надо нам подачек. Ничего не возьму!

Оксана начинает горько поскуливать, словно брошенная собака.

ФРИЦЫЧ. перевозбудилась. Теперь спать не даст, будет во сне вскрикивать и плакать.
 (Собирается увезти Оксану)

Внезапно Ваня-Мафия срывается с места, подсакивает с бидоном к Оксане и опрокидывает на неё всё молоко.

ЛЮСЯ. Ах!
 МАНЯ. Псих! (Хохочет)

Оксана сжалась и затихла. С ней - шок.

ФРИЦЫЧ. Ты... ты... Уголовник, я тебе, морде тюремной, покажу! Ты... ты... Отойди! Отойди!

Ваня-Мафия в упор глядит на Оксану, словно, ожидая чего-то, и совсем игнорирует Фрицыча.

ФРИЦЫЧ. Люди, держите его! Он неизвестно что может сделать!
 ПАНТЕЛЕЕВНА. (Ване-Мафии) Ты что же, а? Дважды сидел, дурак! Тебе за чих срок намотают! Чего вытворяешь? Девчонка и так обижена, а тут ты ещё! Что за фокусы?

Оксана начинает сильно икать.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Оксане) Успокойся, успокойся... (Постукивает её по спине)
 КУТУЗОВ. После доругаетесь! А сейчас - укутайте девку, хоть чем, и скорей домой! Застудится ведь до смерти! Много ли ей надо? (Крестит Оксану)

Фрицыч стягивает с себя ватник и укутывает Оксану. Ваня снимает куртку, но Фрицыч отталкивает его.

ФРИЦЫЧ. Я тебе не спущу! Заявлю!

Серёжа снимает куртку и тоже накидывает на Оксану.

ФРИЦЫЧ. Свидетели есть! На лекарства всю жизнь горбатиться будешь!
 КУТУЗОВ. Вези домой уже, не бранись, девку пожалей, вся дрожмя дрожит! Совсем с тобой окоченеет!
 ФРИЦЫЧ. Все свидетели! Все видели!
 ВАНЯ-МАФИЯ. Да я хотел, как лучше! Не сердись, дядя! Оксана, ты извини, честно - хотел, как лучше!
 ФРИЦЫЧ. Отойди от неё! Не лезь! Не пугай! Отойди, сказано!
 ВАНЯ-МАФИЯ. Виноват, каюсь, но от всей души хотел, как лучше.
 ФРИЦЫЧ. Поздно каяться!

ЛЮСЯ. (Перебивает Фрицыча, Ване-Мафии потрясённо) А всё ж таки, зачем же пять литров молока извёл зря? Шуточки - пять литров! А, если и вправду святое? Я не знаю, что и думать.

ВЕРА. Это тебя за жадность Боженька покарал!

МАНЯ. Вылил и вылил! Ты по пятнадцать литров надаиваешь! Что нам эти пять литров? Тьфу, на них! Забыли, мать!

ФРИЦЫЧ. Всех попрошу быть свидетелями! И тебя, Людмила, в первую очередь.

МАНЯ. Ну да, у матери только и времени по судам таскаться.

ЛЮСЯ. Шёл бы домой. Оксану растереть надо, чаем с мёдом напоить до пота.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Фрицычу) Домой, домой, говорят тебе! Застудишь!

ФРИЦЫЧ. Завтра всех обойду с заявлением. И все подпишут! Не имеете права не подписать. За всё надо карать!

КУТУЗОВ. (Вскрикивает) Пресвятая Мать Божья! Может, я одним глазом чего-то не то вижу? Гляньте, гляньте же все на Оксаночку!

Все расступаются, и видно - Оксана сбросила тулуп и куртку (валяются на земле), слезла с каталки и стоит подле неё. Все обмерли и глядят. Оксана, внимательно следя за своими ногами, делает маленькие неуверенные шаги - один, другой, третий... Её заносит, она машет руками, словно крыльями, словно идёт по канату высоко над землёй, но идёт - шаг за шагом... Немного освоилась, запрокинула голову и глядит в небо.

ОКСАНА. (Страстно) Ппп... па... пппа...

ФРИЦЫЧ. Папа?

ОКСАНА. (Качает головой отрицательно, подымает руку и указывает на небо)

Па...ти...ти...ти...цы...па...ци...

ПАНТЕЛЕЕВНА. Дождик?

ОКСАНА. (Отрицательно качает головой и продолжает с отчаянным желанием быть понятой) Патцы...пи...пи...цы...

ВАНЯ-МАФИЯ. Птицы?!

Оксана радостно кивает и смеётся.

КУТУЗОВ. Точно, журавли летят! Какие ранние!

ОКСАНА. Пати...

ВАНЯ-МАФИЯ. Пти - цы!

ОКСАНА. (В упор смотрит на него и страстно повторяет) Ппп...

ВАНЯ-МАФИЯ. Птицы!

ОКСАНА. Пти...пти...пти...

ВАНЯ-МАФИЯ. Цы!

ОКСАНА. Пти - сы...

ВАНЯ-МАФИЯ. Птицы!

ОКСАНА. Пти - цццы!

ВАНЯ-МАФИЯ. Птицы!

ОКСАНА. Птицы! Птицы!Птицы!

ВАНЯ-МАФИЯ. Птицы! Привет, птицы! Урра! (Подхватывает Оксану на руки и кружит) Ай да Ваня! Ай да крутой! Отец Алексей, это ты, верно, сообразил - каждому по вере! Я крепко поверил в это молоко! Крепко!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Сегодня же, сейчас же доложу рапортом архирею!

ОКСАНА. Птицы, птицы, птицы!...

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Прошло два месяца. Другой день после Троицы. Церковь ещё украшена берёзовыми ветками.

Возле автобусной остановки пробились жёлтые и синие цветочки. Много больших лопухов. У памятника Ленину - букет сирени. А так же, прислонён велосипед.

В правлении словно стало светлей и шире. Всё чисто вымыто и блестит. Стол и стулья сдвинуты к стене. Также у стены две лавки. Колосков, костюмов, овощей уже нет. Портрет Ленина снят и прислонён к стене. Вместо него - икона Божьей Матери. На столе - несколько банок и ваз с цветами. На полу - разбросано сено. Ещё на столе - стопка чистых тарелок и стаканы. Под столом - две хозяйственные сумки. По стенам портреты красавиц всех национальностей и рас.

На внешней стороне правления нарисован крест. Возле изображения креста - горящая свеча.

Отец Алексей, в полном облачении, с требником в руке, торжественно расхаживает, читает требник и кропит все углы кадиллом.

С зажжёнными свечками стоят Кутузов, Вера, Галя, Люся, Маня, Ваня-Мафия. Пантелеевна, без свечки, сидит в сторонке. Женщины в летних нарядных платьях, Ваня - в яркой голубой рубашке. У всех женщин на головах косынки. Только на Мане - вычурная соломенная шляпа. Маня преобразилась неузнаваемо, стала тощей. На шее у неё - множество золотых цепочек. Она время от времени оглаживает себе, то бедра, то живот, то грудь, довольная своей фигурой. Люся, Вера и Пантелеевна в совершенно одинаковых платьях, видимо, купленных поблизости. Вера заметно беременна.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Завершает Отпуст) Христос, истинный Бог наш, молитвой Пречистой Своей Матери и всех святых, помилует и спасёт нас, яко благ и человеколюб.

Выходит на улицу и помазывает кисточкой со святым елеем крест на стене.

Спешит запыхавшаяся Оксана. Перемены разительные. Двигается вполне уверенно и надёжно, но, всё же, пока ощущается раскоординированность в движении рук и ног. На Оксане - платье с чужого плеча, размера на четыре, побольше. Возможно, материнское, потому что очень уж старомодное. Несоразмерное платье ещё больше подчёркивает её хрупкость.

Все оглядываются на Оксану, кивают, улыбаются. Ваня - Мафия отдаёт ей свою свечу.

ВАНЯ-МАФИЯ. Припоздала, малость.

ОКСАНА. (Взволнованно) Папа не пускал. Я прошусь, а он сердится. А я пуще прошусь, а он пуще сердится. А я ещё пуще, и заплакала. А он пуще рассердился и закричит: "Делай, как хочешь!" (Говорит она ещё неуверенно, словно спотыкается, и ударения выскакивают не всегда кстати)

ВАНЯ-МАФИЯ. Самостоятельная стала! Хвалю!

ОКСАНА. (Хохочет) Да!

МАНЯ. (Подходит к ним.) Ты, Оксана, уж почти и на человека похожа. Но что-то больно разбежалась! Скажи ей, Ванечка!

ВАНЯ-МАФИЯ. Пусть летает, пусть радуется.

Приближаются Инна и Сергей. Инна в шортиках, скорей похожих на минимальные трусики, на груди просто лента на одной бретельке. У Сергея аппаратура. Инна, заметив велосипед, чуть отстаёт, погладила велосипед и засмеялась.

Сергей уже наблюдает за молебном.

ИННА. (Подходит к нему) Нормальный ход! Во - дают! Ураган!
 СЕРГЕЙ. Может, снимем? Плёнкой запасся. Буквально выбил.
 ИННА. Ты - шакал телевидения! Снимай!

Сергей готовит кинокамеру.

ИННА. Алёшу, главное, увековечь. Просто плыву от него! Царевич!

Сергей снимает.

ИННА. Алёшу, Алёшу! Что ты Галину норовишь? Не для себя снимаем!
 ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Обращается ко всем) Всех вас, братья и сестры, поздравляю с праздников святых, которых сегодня Святая Церковь чтит. Дай вам Бог крепости душевной и телесной, всех благ, небесных и земных. Многая и благая вам лета!

На этом водосвятный молебен закончен.

ИННА. (Выступает вперёд) Привет! А вот и мы! Приехали ваш эпохальный конкурс снимать! Сюжет завлёт. Даже в Москве показали в “Новостях”, и за границей. Резонанс - просто ураган! Все ждут развития.

СЕРГЕЙ. Здравствуйте!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Толкает плечом Пантелеевну) Всё идёт по плану! Готовьте кошельки под пенсии!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Добро пожаловать, гости дорогие! Заходите, заходите! Будет нынче конкурс и чего только не будет! Погоди, малютка, дай мне только срок - будет тебе белка, будет и свисток!

Все тянутся в правление.

СЕРГЕЙ. (Подходит к Гале) Здравствуй, Галя!

Галя кивает и отходит от него.

Кутузов выволакивает из-под стола сумку, вынимает большую бутылку с квасом, редисочку, зелёный лучок, укропчик, варёные яички, раскладывает всё по тарелкам. Пантелеевна вытаскивает свою сумку и извлекает из неё чёрный хлеб.

КУТУЗОВ. Милости просим всех к столу закусить!

Кутузов и Пантелеевна выдвигают стол на середину, подставляют к нему лавки и стулья.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Гале) Позвольте переодеться в вашей пристрочке?

ГАЛЯ. Конечно, Отец Алексей! Там - не заперто.

ИННА. (Отцу Алексею) Алёша, привет! Не узнал меня?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Смущённо) Здравствуйте! С прибытием! (Уходит)

ИННА. А он, что - совсем ушёл?

ГАЛЯ. Переоденется и вернётся.

ИННА. Переоденется? А на фиг?! Так он будто из сказки...

СЕРГЕЙ. (Снова подходит к Гале) Как дела, Галчонок?

ГАЛЯ. (Сухо) Без перемен. (Отходит и помогает Кутузову расставить банки с цветами вдоль стен.)

ОКСАНА. Можно и мне помогать?

КУТУЗОВ. (Снимает свой платочек и протягивает ей) Красавица ты наша! Накрой голову! И как по такой жаре бежала?

ОКСАНА. Я с солнышком дружу!

КУТУЗОВ. Ты себя беречь должна. Ты себя любить должна! Господь тебя любит, отметил и тяжёлыми испытаниями, и чудом исцеления!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Зачем вдалбливаешь? Где чудо?!

КУТУЗОВ. А что уж и чуда не было? Вот такую линию гнёшь? Всегда разве Оксаночка такая была?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Никаких чуд! Болела, да. И выздоровела! Тысячи людей каждый день выздоравливают... или помирают. Хотя, наша медицина - лучшая в мире. Оксаночку раньше лечили, сказалося теперь.

КУТУЗОВ. И сказалося именно при Божьей Матери - Знамении?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Не такие совпадения бывают!

Оксана делается серьёзной, повязывает косынку, встаёт перед иконой, шевелит губами и крестится.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Оглядывает стол) Ну, лады! Только, мясца бы сюда! (Пристально смотрит на Люсю) А, Люся?!

ЛЮСЯ. Опять - Люся? Где я тебе в июне мясца возьму? С себя состругаю?

ПАНТЕЛЕЕВ. Не лукавь, есть, есть. Да и должок за тобой! Сейчас бы и кстати!

ЛЮСЯ. Какой такой должок?

ПАНТЕЛЕЕВНУ. Глянь на свою Маню! Девка так отошала, что скоро совсем на нет сойдёт! Кутузов нашла средство! И ты выполняй уговор!

ЛЮСЯ. Откуда известно, что она помогла? Может, Маня сама исхудала?

МАНЯ. И не причём тут бабуля! (Виснет на Ване) Вот - моё средство! Быстро телеса согнал! Ох, и заставляет повертеться!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Мане) Э-эх! Береги честь смолоду - вот что тебе скажу.

МАНЯ. Вот по тебе и видать, Пантелеевна, что, кроме чести, ты ни хрена не сберегла!

ВЕРА. Ну, и бесстыжая ты! Восемнадцати нет, а какая уже бесстыжая!

ВАНЯ. (Мане) Восемнадцати нет?

МАНЯ. (Кокетливо) А тебе не нравится?

ВАНЯ. Мне много чего не нравится!

КУТУЗОВ. Разве не ты, Люська, сказала: похудеет Маня - отдам поросёнка!? Вот она твоя Маня - жердь жердью! А где мой поросёнок?

ЛЮСЯ. Мне лично такая Маня хуже нравится! Но всё равно считаю, - ты не при чём!

КУТУЗОВ. Не спущу! При всех обещаю - через две недели станет твоя Манька толще прежнего! Явитесь на поклон, а я вам - от ворот поворот!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Дуй, Люська, на скоростях за поросёнком!

ЛЮСЯ. Пусть грозитя - ещё бабушка надвое сказала!

МАНЯ. (Грозно) Сказано, мать, мотай за поросёнком!

ЛЮСЯ. Пошутила я! Отдам поросёнка... осенью.

КУТУЗОВ. Или сию минуту, или Манькиной фигуре - капут!

МАНЯ. Мать!

ЛЮСЯ. Последний остался! Что сами есть будем? Чем Ваню кормить?

МАНЯ. Мать, ты мне лапшу вешаешь?

ЛЮСЯ. Принесу сейчас! Вот так вот, неизвестно с какой стати, осиротили нас на поросёнка! (Уходит, причитая)

КУТУЗОВ. Пожалуйте за стол! Сейчас и сальца поднесут!

Возвращается Отец Алексей, уже в рясе.
Инна оглядывает его и недовольно фыркает.

КУТУЗОВ. Отец Алексей, откушайте с нами!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Спасибо!

КУТУЗОВ. На почётное место, Отец Алексей! Сейчас сальца принесут, и начнём трапезу!

ГАЛЯ. (Оксане) Оксана, зайдём ко мне! Я тебе сюрприз приготовила! (Уводит Оксану в свою пристрочку).

Все рассаживаются за столом.

ВЕРА. (Сергею) Ну, что - не выходит с Галиной сойтись? Решимее надо быть!

ПАНТЕЛЕЕВНА. А ты, значит, Верка, рожать задумала? И то! Тянуть-то куда? Тебе - до или после сорока-то?

ВЕРА. По своей воле рожаю, что ли? Пока ещё не спятила! Врачи сказали, - слишком много аборт, в этот раз и помереть легко! Никто не взялся. Я и Кутузова просила - вытравить ребёнка. Так упёрлась - и ни в какую! Грех, мол, грех...

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Грех. Детоубийство.

ИННА. Средневековье какое-то! Женщина лично решает - делать аборт или нет.

КУТУЗОВ. Ничего, Вера, родишь и обрадуешься. Души в своей кровиночке чаять не будешь. Всё образуется. Такая, значит, судьба вышла. Лишь бы войны не было!

ВЕРА. Ни-ког-да. Оставлю в роддоме. На что он мне? Никаких надежд не останется пожить по-человечески.

КУТУЗОВ. Кукушка ты, Верка!

СЕРГЕЙ. Не понял. Вы, Вера, хотите отказаться от своего ребёнка?

ВЕРА. Моё дело!

СЕРГЕЙ. Что с ребёнком будет?

ВЕРА. Что будет, то будет! Может, кто усыновит? Хотя кому тут усыновлять? Государство вырастит! Я сама в детдоме выросла и не хуже никого! Ко-ормили! Вот такие котлеты накладывали! Добавки сколько хочешь! Няньки добрые! Чем плохо-то в детдоме?

СЕРГЕЙ. И что же, насовсем от ребёнка отказываетесь?

ВЕРА. Какое твоё дело, вообще?

СЕРГЕЙ. Просто я прошу вас... (Встаёт перед ней на колени), умоляю вас - отдайте мне ребёнка! У него будут и отец, и мать. Клянусь, слезы не прольёт!

ИННА. До чего же жизнь полна сюжетов и персонажей! Как бы, не упустить!

КУТУЗОВ. Не упусти, Верка! И от ребёнка освободишься, и доброе дело сделаешь, людей осчастливишь!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Из Галины хорошая мать выйдет!

ВЕРА. А какие у тебя в райцентре условия?

КУТУЗОВ. Уж не хуже детдомовских!

СЕРГЕЙ. Квартира, правда, однокомнатная, но дом новый, я ремонт только что сделал... Галочка любит, чтоб чисто. А потом дадут получше квартиру...

ИННА. Знаете, как его на телевиденье ценят!

ВЕРА. Меня однокомнатная устраивает! (Инне) А место буфетчицы в вашем буфете ещё вакантное?

ИННА. Да, ждём Галю!

ВЕРА. Так. Ребёнка отдам.

СЕРЁЖА. (Вскакивает, обнимает её и целует) Вы... вы... вы... лучше всех!

ВЕРА. Вы отдаёте вашу квартиру и устраиваете буфетчицей!

ИННА. А им куда, с ребёнком-то?

ВЕРА. Свой дом им продам. Задёшево. В деревне ребёнка растить полезнее. Воздух есть. А у меня родится слабенький, после стольких-то абортотв!

ИННА. У Серёжи - работа!

ВЕРА. Чего тут - сорок километров! На автобусе два часа, делов-то! Можно на мотоцикле. Или велосипед купишь - ещё здоровее!

ИННА. Нормальный ход! Ошалеть!

СЕРГЕЙ. (Поспешно и легко) На всё согласен! Только... ну... вдруг кто-то больше предложит, а у нас за душой, кроме квартиры, ничего! Тогда... (Махнул рукой)

ВЕРА. Не человек я, что ли? Разве я тебя не понимаю?

КУТУЗОВ. Клянись, Верка, и икону целуй! Божья Матерь всё даёт, что кланчила!

СЕРГЕЙ. Пожалуйста, поклянитесь!

ВЕРА. (Подходит к иконе) Перед ликом Твоим, Богоматерь, клянусь, что передам ребёнка на тех условиях, как сговорились. (Прикладывается к иконе губами).

КУТУЗОВ. Не горюй, Серёжа, всё наживное, а дитя - святое.

СЕРГЕЙ. Я горюю? Да я...

КУТУЗОВ. Поняли, не дураки!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Редкостный ты мужик, Серёжа! Повезло Галине.

КУТУЗОВ. (пряча слёзы) Где Люся с поросёнком?

ПАНТЕЛЕЕВНА. (всхлипывая) Так она и вернётся! Люсю не знаешь?

ВАНЯ-МАФИЯ. (Мане) Сбегай за матерью! Люди ожидают.

МАНЯ. Давай, вместе!

ВАНЯ-МАФИЯ. Сама дорогу забыла, что ли?

КУТУЗОВ. (Мане) Ступай, ступай, мы твоего Ваню посторожим.

Маня неохотно встаёт.

СЕРГЕЙ. Радость, вот радость! Я, словно, мёртвый был, а теперь - живой!

Возвращаются Галя и Оксана. На Оксане новое белое платье, на голове - веноч.

ГАЛЯ. И зачем конкурс? Всем ясно - кто у нас, самая красивая!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (сквозь слёзы) Ой, хороша!

КУТУЗОВ. (всхлипывает) Дай-то Бог здоровья тебе!

ВАНЯ-МАФИЯ. Я таких красавиц даже в мексиканском кино не видал! (Мане) Ты ещё здесь?!

Маня фыркает и уходит.

ОКСАНА. (Смеётся.) Это Галя! (Бросается Гале на шею) Она и платье сшила, она и веноч сплела.

СЕРЁЖА. Галочка, сядь подле меня!

ГАЛЯ. Мне удобнее на том краю.

СЕРЁЖА. Галя, ребёнок будет...и... скоро.

Галя замирает и смотрит на него.

СЕРЁЖА. Моё слово верное - сама знаешь.

ИННА. Галя, не смотрите так. Серёжа правду говорит.

ВЕРА. Даже не сомневайся, Галка!

КУТУЗОВ. Подтверждаю. Смилоствилась над тобой Божья Матерь.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ну, тут - то уж Божья Матерь, вовсе ни к чему. Мужик её творит чудеса, почище любой матери!

ГАЛЯ. (Её словно притягивает к Серёже) Это - правда?

СЕРЁЖА. Я люблю тебя.

Галя садится возле него и опускает голову ему на плечо.

КУТУЗОВ. Оксаночка, все на твою красоту налюбовались! Давай за стол!

ВАНЯ-МАФИЯ. Один момент! (Подходит к Оксане, вынимает из кармана бусы и надевает ей)

Оксана обмерла от счастья, рассматривает с восторгом бусы.

КУТУЗОВ. Разгулялись мужики! Одарили, так одарили!

ВЕРА. (Подходит и рассматривает бусы) Ну, Мафия, ты не жмот! Эх, жаль, не первая я тебя разглядела!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Молодцевато) Никогда не поздно, Верочка!

ВЕРА. Уж куда уж нам уж замуж, мы уж так уж как-нибудь! Да и ты малость в бабах подзапутался, а?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Гляну и я! Мафия, где ж ты такое взял? Это ж денег стоит, каких у тебя быть не может!

ВАНЯ-МАФИЯ. Двоюродная бабка завещала.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Вот я и гляжу - должно быть, она в своём огороде нашла! После войны понаехали к ней в огород органы. Весь перерыли, перепакостили - клад искали!

ВАНЯ-МАФИЯ. Да не нашли! Бабка мне говорила.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Да она совсем из ума выжила! Как не найти? Они да не найдут! Именно нашли! Бочку с золотыми монетами! И сундучок с украшениями - вроде этого. У сундучка дно-то подгнило, должно быть, бусы и выпали. И ведь бабка твоя, Царствие ей Небесное, такая была болтушка, а тут - словечком не обмолвилась. И бус этих никто у неё не видал. Только всё по огороду плакала. Время-то голодное было, каждая морковка на счету. А ей так перекопали, вроде, как ты нынче перекопал.

ВАНЯ - МАФИЯ. (Изменился в лице) Так значит получается... Ясно.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Я вот всё удивляюсь, объясни ты мне. Копал ты копал, а ведь ничего у тебя не растёт? Что за фокус?

ВАНЯ - МАФИЯ. Да я не сажал ничего!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Здравсти! А копал зачем? (После паузы) Так вот чего тебя в Жёлтую грязь потянуло! Лопух ты, а не Мафия!

Возвращаются запыхавшиеся Люся и Маня. В руках у Мани - небольшой шмат сала, завёрнутый в газету.

ЛЮСЯ. (Мане взволновано) Спятила? Тут же не меньше кило!

Маня, молча, шлёпает сало на стол.

КУТУЗОВ. Что-то мелкий поросёнок. Просто рахит какой-то!

ЛЮСЯ. Про мелок или велик - уговору не было! (Садится за стол)

МАНЯ. (Обнимает Ваню) Чего, расстроенный такой? (Ведёт его к столу)

КУТУЗОВ. Оксаночка, Принцесса, сядь - вот тебе местечко, справа от Вани.

Оксана садится по другую сторону от Вани.

КУТУЗОВ. (Садится и нарезает сало) Проволянулись, а скоро автобус - девахи из Чёрной Грязи подъедут.

ПАНТЕЛЕЕВНА. А к вечеру со всей округи народу подвалит! И на автобусах, и на грузовиках, и пешими! Не оплошаем, Мафия?

ВЕРА. А халявные автомобили, когда раздадут?

Ваня не слышит.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Мафия, да ты словно не в себе?

ВАНЯ. А? Что?

ПАНТЕЛЕЕВНА. С утра был боец, а тут разом сник.

КУТУЗОВ. Кому кваску домашнего? Мой квас на всю округу знаменит!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Читает предтрапезную молитву) Отче, всех на тя, Господи, уповают, и ты даещи им пищу во благовремении, отверзаеши ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволения.

Прошелестело вокруг стола “Аминь”, и все набрасываются на еду.

ЛЮСЯ. (Пантелеевне) Подай редисочки!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Передаёт) А тебе, Вера, витамины сейчас позарез.

СЕРГЕЙ. Что положить, Галочка?

ГАЛЯ. Всё!

ИННА. Алёш, подай яичко!

МАНЯ. Воротит от яиц!

Ваня-Мафия быстро встаёт из-за стола и уходит.

МАНЯ. Куда, Вань?

Ваня-Мафия не отвечает.

МАНЯ. (Вскакивает) Вань!

ЛЮСЯ. (Ничуть не волнуясь) По нужде, небось.

Маня садится.

ИННА. Алёш, а ты веришь в Бога?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Верую.

ИННА. Веришь, что он сидит где-то там, на небе, и всё оттуда видит?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Где Господь - нам неведомо.

ИННА. А чего ведомо?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Был Иисус Христос на земле. Его распяли на кресте, и он умер в муках. И верую, что Иисус Христос воскрес.

ИННА. (Задумчиво) Как просто...

ОКСАНА. (С восторгом) Бабочка, бабочка! Ой, мне на платье села! (Прикрывает бабочку ладошкой) Я отпущу её! (Осторожно выходит на площадь, останавливается посередине, и на ладошке подымает бабочку.) Свободна!

Появляется Ваня-Мафия с большим чемоданом и останавливается на остановке автобуса. Ставит чемодан, озабоченно поглядывает на часы.

ОКСАНА. (Видит его) Ваня! (Устремляется к нему)

ВАНЯ-МАФИЯ. Хорошо, что свиделись напоследок. Прощай, Принцесса!

ОКСАНА. Уезжаешь?

ВАНЯ-МАФИЯ. Незачем больше мне тут.

ОКСАНА. Когда вернёшься?

ВАНЯ-МАФИЯ. Никогда. Глупостей наделал! Конкурс этот замутил, головы всем морочу, и вообще... Все мои надежды лопнули, больше не хочу ни о чём мечтать.

ОКСАНА. А я до всего намечталась... Какая жизнь без мечты, Ваня?

ВАНЯ-МАФИЯ. Эй, а глаза-то на мокром месте!

ОКСАНА. (Очень тихо) Я никогда тебя не забуду.

ВАНЯ-МАФИЯ. Цены себе не знаешь, Птаха-Принцесса!

ОКСАНА. И если я стала бы настоящей принцессой, ты всегда лучше всех! Ты уезжаешь навсегда. Можно, я тебе стихи прочитаю?

ВАНЯ-МАФИЯ. Ты стихи придумываешь?

ОКСАНА. Один стих. Короткий.

ВАНЯ-МАФИЯ. Не робей! Всё равно, автобус задерживается!

Оксана не решается.

ВАНЯ-МАФИЯ. Автобус подойдёт, и не успеешь прочитать стих.

ОКСАНА. Моё сердце бьётся только для тебя.

Ты - спаситель мой и судьба.

От тебя мне свет и радость всегда,

и не будет по-другому никогда. (И заплакала).

ВАНЯ - МАФИЯ. Про меня стихи? И стихи-то лучше, чем у Пушкина!

Оксана плачет.

ВАНЯ-МАФИЯ. Не хватало, чтоб ты из-за меня плакала!

Оксана всхлипывает горше.

ВАНЯ-МАФИЯ. Ну, таких чудес со мной не бывало! Не расстраивай себя, ты ещё слабенькая! (Вытирает ей ладошкой щёки)

Оксана берёт его руки и прижимает к губам.

ВАНЯ-МАФИЯ. Руки мне целуешь? Да не стою я, Принцесса!

ОКСАНА. Ты лучше всех на свете!

С гомоном появляется стайка из пяти девушек - претенденток на Мисс. Они идут босые, туфли несут в руках, хохочут и толкаются. Все здороваются с Ваней-Мафией и Оксаной.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. А куда на конкурс красоты?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Она перепутала. Ей на конкурс уродин!

И все хихикают. Ваня-Мафия махнул рукой в сторону правления. Девушки заспешили туда.

ВАНЯ-МАФИЯ. (Вслед им) Девчата, а чего пешком топаете?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Автобус поломался!

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Нам-то что? А ещё сюда старичок прибыл. Вот ему два километра протопать - ой-ёй-ёй!

ЧЕТВЁРТАЯ ДЕВУШКА. Да ещё вырядился весь, то-то в пыли ухайдакается!

Девушки хихикают и убегают в правление.

ВАНЯ-МАФИЯ. Поломался, значит, мой автобус?.. Остаюсь, Принцесса!

ОКСАНА. (Вскрикивает и всплескивает руками) Ваня! (Смеётся, снимает с себя венок и надевает ему на голову.) Я так скрывала, что люблю тебя. Как ты догадался? Ты самый умный.

В правлении закончили трапезу. Кутузов и Пантелеевна убирают со стола. Вера приготавливает рушник, кладёт на него каравай, ставит солонку.

Сергей и Галя сидят в сторонке, обнявшись, и шепчутся. Галя украдкой поглядывает на Веру.

Отец Алексей сидит под иконой и внимательно читает толстую книгу.

Люся и Маня стоят отдельно.

МАНЯ. (Зло вполголоса матери) По нужде, по нужде! Послушала растяпу!

ИННА. (Подходит к Отцу Алексею) Никогда не думала, что священники книжки читают!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Благожелательно) Читают. Грамота и литература начались в монастырях. И первые историки-летописцы - монахи. А первые книги сначала переписывались от руки, потом печатались, тоже в монастырях. И были религиозного содержания.

ИННА. А что ты сейчас читаешь?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Догматическое богословие.

ИННА. (Разочарованно) А-а... А у тебя такое лицо, будто что-то интересное.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. К экзамену готовлюсь. Я ведь студент. Учусь в семинарии заочно. Догматическое богословие - самый трудный предмет. И отвечать надо на славянском. И ни в буковке нельзя ошибиться, ни в ударении. И отвечать надо бойко.

ИННА. Так ты не настоящий священник?

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Отчего же, не настоящий? Я - иерей.

Вбегают девушки.

ХОРОМ. Здравсти! Добрый день! Мы - на конкурс красоты.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Милости просим, дорогие гости!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Нам бы умыться с дороги!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Пёхом топали!

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Автобус поломался!

ГАЛЯ. (Ласково) Все - за мной!

Девушки идут за ней.

МАНЯ. (Им вслед) Вы нигде не видали там такого, в голубой рубашке?

ЧЕТВЁРТАЯ ДЕВУШКА. А он на остановке!

ПЯТАЯ ДЕВУШКА. С венком на голове!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Спрашивали тебя про венок? А ещё он с девушкой!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. С такой хорошенькой!

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Она вся в белом!

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. А она тоже будет в конкурсе участвовать?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Тогда, мы зря приехали!

Все хихикают и уходят за Галей в её пристрочку.

МАНЯ. В веночке! (Срывается с места и убегает)

ЛЮСЯ. (Не сразу) Чего стряслось-то, доча?

Но Мани и след простыл.

БЕРА. По нужде, не иначе.

Маня бежит к остановке. Ваня-Мафия и Оксана ещё там, стоят и смотрят друг на друга.

ВАНЯ-МАФИЯ. Не бросишь меня, Принцесса?

ОКСАНА. Я? Тебя? (Смеётся) Этого не может быть! А ты?

ВАНЯ-МАФИЯ. Похоже, впервые в жизни, я влип так прочно. Вот уж не думал, не гадал!

ОКСАНА. Поцелуй меня!

Ваня целует Оксану. Маня с разбегу налетает на них, толкает Оксану. Та падает.

ВАНЯ-МАФИЯ. (Мане) Корова! Она же слабенькая! (Помогает Оксане подняться)

МАНЯ. А с чужим женихом целоваться нашлись силёнки?

ВАНЯ-МАФИЯ. Что-то не помню, когда это я к тебе сватался? (Оксане) Не ушиблась, Принцесса?

МАНЯ. Принцесса! Я тебе сейчас покажу, убогая! (Хватается за бусы)

ОКСАНА. (Кричит) Нельзя! Нельзя бусы! Мне Ваня подарил!

Маня дёргает, нитка рвётся, бусы раскатываются по земле.

ОКСАНА. (Отчаянно) Бусы! Мои бусы!

МАНЯ. Я тебя так уделаю. Станешь ещё хуже, чем была!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Заслоняет Оксану, Мане) Вали отсюда! После объяснимся.

МАНЯ. Ничего ни после! Женишься на мне или обманул?

ВАНЯ-МАФИЯ. Да ни причём тут Принцесса! Я бы на необитаемом острове на тебе не женился!

МАНЯ. Это почему же?

ВАНЯ-МАФИЯ. Чувств нет.

МАНЯ. Как еть меня, так наскрёб чувств! А жениться - так - дрынть налево! Пожалеешь!

В ногах валяться будешь! И всё равно женишься! Так и запомни!

ВАНЯ-МАФИЯ. Хоть сердись, хоть плачь - никогда на тебе не женюсь! И давай-ка разойдёмся, как в море корабли. Ничего у нас с тобой общего, кроме Родины!

МАНЯ. Гляди, как бы твой корабль на мель не наскочил! (Убегает в ту сторону, откуда пришли девчата).

ВАНЯ-МАФИЯ. (Оксане) Не зашиблась, Принцесса?

ОКСАНА. Бусы! (Приседает и собирает бусины.)

ВАНЯ-МАФИЯ. (Тоже приседает) Сейчас, сейчас... Все подберём, нанижу на леску, и снова у тебя будут бусы.

ОКСАНА. Да. Всегда будут.

Ползают в траве, подбирают бусины.

В правление входит Фрицыч с аккордеоном.

ФРИЦЫЧ. Оксану не видали?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Сейчас явится.

ФРИЦЫЧ. И вот бегаёт, бегаёт - не уследить.

Возвращается Галина с девушками. На девушках - русские национальные костюмы, те, что прежде висели в правлении.

ГАЛЯ. Отец Алексей! Девушки готовы. Дело за вами.

Отец Алексей закрывает книгу и отводит девушек в сторонку, что-то с ними обсуждает. Инна тусуетя возле них. Фрицыч достаёт из футляра аккордеон и присаживается на лавку возле девочек.

На остановке Ваня-Мафия и Оксана собрали все бусины. Ваня-Мафия кладёт их к себе в карман.

ВАНЯ-МАФИЯ. Завтра же всё будет в ажуре.

ОКСАНА. Я знаю.

Ваня-Мафия тянется поцеловать её. Появляется господин лет 80-ти, немного располневший, но подтянутый. Одет дорого и безукоризненно. В нём мгновенно угадывается иностранец.

ФРИЦ. (Оксане и Ване-Мафии) Добрый день! (Акцент очень заметен)

ОКСАНА. (Радостно) Здравствуйте!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Не спеша, изучающе рассматривает прохожего) День добрый, коли не шутите!

ФРИЦ. Что есть - коли?

Ваня-Мафия пожимает плечами.

ФРИЦ. Карашо. Где есть селение Жёлтая Грязь?

ОКСАНА. А вы уже в Жёлтой Грязи!

ФРИЦ. Карашо. Где есть Май Фрицович?

ОКСАНА. Вам нужен мой папа?

ФРИЦ. Май Фрицыч есть папа? Очень карашо!

ВАНЯ-МАФИЯ. Вы - немец?

ФРИЦ. Да!

ВАНЯ-МАФИЯ. Тогда разрешите представить вам эту юную Принцессу?

ФРИЦ. Да, пожалуйста. Очень рад!

ВАНЯ-МАФИЯ. Ваша внучка!

ФРИЦ. Внучка?

ОКСАНА. (Порывисто кидается ему на шею) Дедушка! Миленький! Ты нашёлся? Я без тебя скучала! Ты мне снился! Я люблю тебя!

ФРИЦ. (Сквозь слёзы) Карашо! (Отстраняет от себя Оксану и рассматривает) Внучка? Карашо! Похож! Карашо! (Снова крепко прижимает её к себе)

ОКСАНА. Дедушка, я так и знала, что ты очень хороший!

ФРИЦ. (Отстраняет Оксану и снова всматривается в неё) Белоснежка! Мне тебя не хватало. Очень много, не хватало. Я имею пять сына, семь внука. Все... как это по - русски?

ВАНЯ-МАФИЯ. Словом, все парни?

ФРИЦ. Да. Так. Нет девочка! (Оксане) Мадонна! Карашо, что ты есть. Я есть счастливый.

ОКСАНА. (Прижимается к нему) Дедушка, как ты нас нашёл?

ФРИЦ. Сын приглашал по телевизору. Я нечаянно видеть и поехал. Я здесь воевал. Я здесь любил. Я скучал по сыне. Мой жена не хотела, чтобы я ехать в Россию. Она говорила: "Ты имеешь четыре сына". Я ей говорила: " Нет, я имею пять сына."

ВАНЯ-МАФИЯ. И как она вас отпустила?

ФРИЦ. Она умер.

ВАНЯ-МАФИЯ. Простите!

ФРИЦ. Она умер есть год. Я есть одинокий. Мне есть плохо.

ВАНЯ-МАФИЯ. А четыре сына и семь внуков?

ФРИЦ. Один есть в Америка, другой есть в Канада, другой есть Сингапур, другой есть Париж.

ВАНЯ-МАФИЯ. Тогда - потопали в правление. Фрицыч обрадуется.

Идут к правлению.

ФРИЦ. Карашо... (Запевает) Не слышны в саду даже шорохи, всё здесь замерло до утра, если бы знали вы... (Смеётся и обрывает песню.)

Входят в правление.

ВАНЯ-МАФИЯ. Общее внимание! С нами гость из дружественной Германии! Прибыл для воссоединения с семьёй! Пляши, Фрицыч!!

Фрицыч смотрит на Фрица, словно застыл. Фриц смотрит на Фрицыча и открывает объятья. Но Фрицыч объяться не спешит, а внезапно, с места в карьер, заиграл на аккордеоне. Девочки выстроились рядком. Отец Алексей встал перед ними, чтобы дирижировать. И девочки слаженно, чисто, с лукавством, повели на три голоса русскую народную песню.

Было у тещеньки семеро зятьёв!

Ах, было, у ласковой, семеро зятьёв!

Гришка - зять,

Микишка - зять,

Захарка - зять,

Макарка - зять,

Дементий - зять,

Климентий - зять,

Ванюшенька - душенька, любимый был зятьёк!

Пантелеевна подхватывает Ваню-Мафию и выводит на середину, побуждает приплясывать, сама подпевает.

Стала их тещенька в гости звать,
 Стала их ласкова в гости звать!
 Гришку - в гости,
 Микишку - в гости,
 Макарку - в гости,
 Дементия - в гости,
 Климентия - в гости,
 Ванюшеньку-душеньку на ручках приняла!

Девушки, Пантелеевна и Кутузов подхватывают Ваню-Мафию на руки, подбрасывают и... не ловят. Ваня-Мафия шутиливо потирает ушибленное место.

Стала их тещенька за столики сажать,
 Стала их ласкова за столики сажать!
 Гришку - за стол,
 Микишку - за стол,
 Макарку - за стол,
 Дементия - за стол,
 Климентия - за стол,
 Ванюшеньку-душеньку - за столик дубовой!

Вера выносит колоду и ставит перед Ваней-Мафией. А сама присоединяется к поющим.

ИННА. (Серёже) Не спи, не спи, художник!

Серёжа начинает съемку.

Стала их тещенька вином обносить,
 Стала их ласкова вином обносить!
 Гришке - стакан,
 Микишке - стакан,
 Макарке - стакан,
 Дементию - стакан,
 Климентию - стакан,
 Ванюшеньке-душеньке - полрюмочки винца!

Люся наливает полстакана кваску и подносит Ване-Мафии, но только он протягивает руку, она, якобы нечаянно, роняет и всплескивает руками. И тоже присоединяется к хору.

Стала их тещенька, стала провожать,
 Ой, стала их ласкова, стала провожать!
 Гришку - в шею...

К поющим, присоединились и Галя, и Инна.

Микишку - в шею,
 Макарку - в шею,

Дементья - в шею,
Климентья - в шею,
Ванюшеньку-душеньку - по буйной голове!

Все внезапно накидываются на Ваню-Мафию, лупят в шутку и тискают его. Ваня-Мафия бегаёт от них, изворачивается и, наконец, удирает на улицу.

У Фрица на это веселье реакция неадекватная, он утирает слёзы. Оксана так и стоит, прижавшись к Фрицу. И он, и Оксана, награждают исполнителей бурными аплодисментами.

КУТУЗОВ. Галя, подай гостю хлеб-соль!

Галя с поклоном подаёт Фрицу на рушнике хлеб-соль.

ФРИЦ. Спасибо, большой спасибо!

Оксана отламывает ломоть, макает в соль и протягивает деду.

Фриц, не спеша, уважительно и с удовольствием жуёт, все смотрят на него.

ФРИЦ. Русский хлеб-соль - карашо! Спасибо!

КУТУЗОВ. На здоровье!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Толкает Фрицыча) Ты чего, как памятник? Сунься к бате-то! Столько до тебя ехал, а ты портрет воротить! Обидится!

ФРИЦЫЧ. Пусти! Я сам! (И стоит на месте)

ОКСАНА. (Подбегает к отцу и тянет его за руку) Папа, папа, это же мой родной дедушка!

Фриц, сильно всхлипнув, крепко обнимает сына.

ФРИЦ. Сын! Любимый сын! Прости!

И они долго стоят, замерев в объятиях.

ФРИЦЫЧ. (Сдавленно) Батя!

ИННА. Ах, и зарыдали оба! (Сергею) Снимай!

КУТУЗОВ. Вот, и слава богу! (Фрицу) А ты всё такой же видный! Я тебя сразу признала! Обрадовалась! Ты-то припоминаешь?

ФРИЦ. Не понимай!

КУТУЗОВ. Меня узнал?

ФРИЦ. Не знай. Кто ви есть?

КУТУЗОВ. Значит, с одним глазом, не признал меня! А кто мне глаз прострелил?

ФРИЦ. Глаз?! (Встаёт перед ней на колени) Простить мне!

КУТУЗОВ. (Смеётся) Вот - женская доля! Чтоб мужик перед тобой на колени встал, он сначала должен, хотя бы глаз тебе выбить.

ФРИЦ. Я стреляль. Я целил, целил, не хотел попасть. Я есть отшень плохой стрелок. Я долго целил мимо, но всё равно попал в глаз.

КУТУЗОВ. (Подымает его с колен) Спасибо, что не в оба глаза!

ФРИЦ. Ви меня прощать?

КУТУЗОВ. Да я до смерти рада тебя видеть! Пускай, только одним глазом!

ФРИЦ. Каждый русский женщина есть Богоматерь!

Звонит телефон. Пантелеевна снимает трубку.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Правление на проводе! Нет, никуда не уехал, и не собирается, он же главный у нас по красоте... Чего? Какое ещё заявление? (Поворачивается к Люсе и в упор смотрит на неё) Да я этой Мане не поверю, даже если она скажет, что в метре сто сантиметров! Несовершеннолетняя?! (Тут снова требуется применить заглушку-зуммер)

ГАЛЯ. (Реагирует на мат с укоризной, кивает на икону) При Божьей Матери-то, Пантелеевна!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Продолжает по телефону) На голову - несовершеннолетняя, а на передок - перестарок!

ФРИЦ. (Ностальгически) Русский мат... Ай-яй-яй!... Я помнить... Русский мат - отшень карашо!

ПАНТЕЛЕЕВНА. И что теперь? Вот горе-то! (Повесила трубку, закручинилась.)

ВЕРА. Чего стряслось, Пантелеевна?

ПАНТЕЛЕЕВНА. А где Мафия-то?

ВЕРА. (Громко) Мафия! Ты где?

ВАНЯ-МАФИЯ. (Отвечает с улицы) Перекуриваю!

ФРИЦ. Жёлтая Грязь иметь мафия?

ФРИЦЫЧ. В России мафия всюду.

ФРИЦ. Я звать тебя в Дойчланд!

ФРИЦЫЧ. Родину не предаю!

КУТУЗОВ. Так у тебя, Фрицыч, две родины. Ты напополам и русский, и немец!

ФРИЦ. Не хотеть в Дойчланд?

ФРИЦЫЧ. У меня одна родина. Не поеду! Оставайся, живи с нами!

ФРИЦ. Отшень хотель. Не можно. Я иметь большой завод, делать Мерседес. Я тебе дарить Мерседес, лучший модель. Через пять дни - таможня, через один день - Жёлтая Грязь.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ну, Фрицыч, продашь Мерседес, купишь Москвич, да ещё денег до конца жизни хватит и останется.

ФРИЦ. Москвич, карашо. Мерседес - отшень карашо. Я хотель звать Оксана. Оксана, ты согласен? Получить образование, учить дойч.

ОКСАНА. (Радостно) Хочу!

ФРИЦЫЧ. Незачем ехать! Здесь её родина.

ФРИЦ. Родина - карашо, если Родина не есть тюрьма.

ОКСАНА. Папа, я поживу с бабушкой и вернусь.

КУТУЗОВ. Что ей тут со старухами? Никакого будущего!

ФРИЦЫЧ. Здесь природа, просторы!

КУТУЗОВ. Зверю одной природы хватает, а человеку ещё много чего надо!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ты уже раз чуть её не угробил своими принципами! Опять за старое?

ИННА. Да у неё такой шанс человеком стать!

ФРИЦЫЧ. А здесь не люди? А кто останется здесь, делать нашу жизнь лучше?

ИННА. Ханжа, демагог, догматик и лицемер! Такие всегда заботятся об обществе в целом, но на каждого отдельного человека им наплевать!

ФРИЦЫЧ. Не лезь не в своё дело!

ВЕРА. Фрицыч, ты совсем с головой-то рассорился?

ГАЛЯ. Май Фрицыч, вы всю жизнь посвятили Оксане. Но будьте великодушны. Пусть любящий бабушка тоже примет участие в её жизни! И для вас, и для него - самое главное - счастье Оксаны!

ФРИЦЫЧ. (Махнул рукой) Пусть творит, что хочет. Свою голову не приставишь! Отпускаю!

ОКСАНА. (Бросается Фрицычу на шею) Спасибо, папочка! (Бросается на шею Фрицу) Спасибо, дедушка!

Входит Ваня-Мафия, стоит у порога и внимательно слушает.

ФРИЦ. Я есть счастливый.

ОКСАНА. (Смотрит на Ваню) Я выхожу замуж, дедушка. И я не могу расстаться с мужем.

ФРИЦЫЧ. Что ещё за глупости?

ФРИЦ. (Подходит к Ване-Мафии и протягивает руку) Иметь честь поздравлять. И дарить на свадьба Мерседес!

Ваня-Мафия молча, отвечает на рукопожатие.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Мечтал рулить Мерседесом и жевать резинку! Мерседес есть, теперь жвачку бы прикупить - и ты - крутой, совсем - мафия!

КУТУЗОВ. Ещё Мерседес! Обанкротится завод. С нами, русскими, только свяжись!

ВЕРА. Ну, Мафия, ты силён! Везде поспел!

Появляется Маня и стоит в дверях.

ГАЛЯ. (Обнимает Оксану) Поздравляю от души! (Обнимает Ваню-Мафию) Желаю счастья, Ванечка!

КУТУЗОВ. Береги её, Иван!

ДЕВОЧКИ ХОРОМ. Тили, тили тесто - жених и невеста!

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Обнимает Ваню-Мафию) Поздравляю, поздравляю... (Отводит в сторону) Плохи дела, Ваня! Из милиции звонили. Манька заявление подала, мол, ты её изнасиловал.

ВАНЯ-МАФИЯ. Врёт. Всё по согласию.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Ты - рецидивист. Как пить дать, теперь посодют.

МАНЯ. (Незаметно подходит) Женишься - заберу заявление!

ВАНЯ-МАФИЯ. (Не глядя на Маню) Ответа не будет!

МАНЯ. В Германию намылился! На Мерседесах выпендриваться! Рылом не вышел! Намылился в Германию, а угодил - в тюрьму!

КУТУЗОВ. (Незаметно подошла) Лишаю тебя, Манька, фигуры. Недостойна. Через неделю снова будешь шире гармошки.

МАНЯ. (Остервенело) Избу сожгу!

КУТУЗОВ. А я тебя на всю жизнь сглажу!

Маня пожимает плечами и отходит к матери.

ЛЮСЯ. Доча, я чего-то не допоняла, это представление такое понарошку, что наш Ваня-то женится?

КУТУЗОВ. Крепись, Ваня! Всё образуется.

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Кутузову) А чего ты давала, что она так с тела сошла?

КУТУЗОВ. Брала у Полкана глисты, в хлебушек завёртывала и Маньке давала глотать.

ВЕРА. Глисты? Собачьи?

КУТУЗОВ. А чем собачьи хуже людских?

Пантелеевна заходится от смеха. Вера зажимает рот рукой, её мутит.

ОКСАНА. Ваня, иди сюда! Ты согласен поехать в Германию?

ВАНЯ-МАФИЯ. (Остаётся на месте) Нет.

ОКСАНА. (Изумлённо) Нет?

ВАНЯ-МАФИЯ. Чего я там не видал?

ВЕРА. Ещё один патриот!

ИННА. Патриот на патриоте! И почему мы до сих пор не впереди планеты всей? Моё мнение - жалко, что Германия нас не победила. Мы жили бы гораздо лучше.

КУТУЗОВ. Мы не жили бы лучше! Это они жили бы хуже!

ОКСАНА. Дедушка, миленький, извини, но мы не поедem.

ВАНЯ-МАФИЯ. А чего ты-то не едешь? Езжай!

ОКСАНА. Я с тобой не расстанусь.

ВАНЯ-МАФИЯ. Чего липнешь ко мне? Не такой я мужик, чтоб жениться! У меня сейчас другие планы!

ВЕРА. Какая муха тебя укусила?

ВАНЯ-МАФИЯ. Воля - вот какая муха! А ты езжай! Меня из головы выкинь! (Срывает с головы венок, комкает и отбрасывает, резко разворачивается и уходит)

ВЕРА. (Вдогонку Ване-Мафии) А как же конкурс? Автомобили - в каждый двор? Э-эх! (Подбоченясь, проходит перед всеми, явно желая приободрить)

На деревне срубы рубят,

а меня ребята любят.

Тот тащит, другой тащит -

только юбочка трещит!

ИННА. Вот чего-то меня вдруг всю пробило - а, если, Бог, и правда, есть?.. С такой точки зрения, я как-то не так живу... Ошалеть, можно! Ошалеть, можно!

Оксана закрывает лицо руками.

Немая сцена.

ЭПИЛОГ

Итак, Ваню-Мафию посадили.

Оксана уехала к бабушке. Всего за год-два окончательно вылечилась, овладела немецким и английским, научилась водить Мерседес и быть элегантною. Начала учиться в университете, в Америке. Семья дяди, который жил в Америке, полюбила её от всего сердца. Съездили они погостить и к другому дяде - в Канаду. И там Оксана всех очаровала. Отдыхала она тоже у дядей, в Париже и Сингапуре. И там признали её своей. Конкурс красоты, который так и не состоялся в Жёлтой Грязи, оставил столь неизгладимый след в душе Оксаны, что она решила претендовать на титул Мисс Германия.

Кутузов побывала у Оксаны в гостях. Фриц оплатил операцию, и теперь Кутузов ходит без повязки. Новый глаз хоть и не видит, но во всём прочем от настоящего не отличается. Кутузов провернула в Германии небольшой бизнес, как у всех русских - незаконный. Изменилась неузнаваемо - яркий парик, разодета экстравагантно. Превратилась в эффектную даму, которую немислимо счесть восьмидесятилетней.

А что же станет с Ваней-Мафией, когда он выйдет из тюрьмы? Попробуем вообразить это недалёкое будущее! Недалёкое, потому что Ваню освободят досрочно: за хорошее поведение; из-за хлопот за него Пантелеевны и Фрицыча. Прекрасно все понимают, что угодил он в тюрьму, хоть и законно, но несправедливо.

Выйдет Ваня, и потянет его в Жёлтую Грязь.

Красивее, если это произойдёт ранней зимой. Земля едва покрыта первым снежком, таким лёгким, что просвечивает сквозь него. И сыпятся с неба, порхают редкие, хрупкие снежинки.

Это - будущее, это - грёзы. И сквозь словно бы пелену, видим мы белый бескрайний простор. И стоит посреди только длинный стол, без лавок и стульев, уставленный яствами, явно не в соответствии с сезоном: помидорчики, огурчики, арбуз, целый зажаренный поросёнок, рассыпная картошечка, от которой аппетитный пар. Среди блюд - разнообразные бутылки.

Вокруг - знакомые лица.

Фрицыч, в парадном костюме, годов эдак шестидесятих. Пантелеевна в неизменном тулупе и резиновых сапогах.

Кутузов, без повязки, крашеная в платиновую блондинку, чудовищно экстравагантно.

Отец Алексей - в рясе, непрерывно покачивает широкую детскую колясочку. А кто с ним рядом? В этой скромной, сильно беременной женщине, повязанной тёмным платочком, с трудом можно признать Инну. Здесь же, весёлый, какой-то распрямившийся и сияющий Сергей.

И Галя, похорошевшая, в кокетливом полушубочке, в ярком цветастом полушалке. Вокруг них бегают, словно заведённый, малыш трёх-четырёх лет. Галина, словно насадка, попевает за ним, не спускает глаз. Здесь же Вера, постаревшая, исхудавшая, одетая стандартно, по-городскому.

Трудно прогнозировать, какие мелодии будут в моде, но знакомые уже нам пять девчат в костюмах "диско", заразительно отплясывают макарену. Сегодня, макарена - пик моды. И, скорее всего, и через несколько лет в Жёлтой Грязи всё ещё останется пиком. Деревня консервативна и не спешит менять пристрастия.

А вот и Ваня, стриженный наголо, в ватнике, кирзе и с рюкзаком. Ведь именно так все мы представляем людей, вышедших из тюрьмы.

Девушки приветливо и зазывно машут Ване руками.

Ваня молодецкато скидывает на землю рюкзак и присоединяется к танцующим. Он выплясывает с сосредоточенным, даже злым, лицом. Старательно и лихо. Девушки

тормошат его, подзаводят. И вот он уже скидывает ватник и остаётся в знакомой голубой рубашке. Танцует так, словно последние минуты на этой прекрасной земле доживает. И тут к нему подходит маленький мальчик и важно подаёт на рушнике чарку водки.

МАЛЬЧИК. Добро пожаловать в Жёлтую Грязь!

ВАНЯ. (Наклоняется к нему) Кто же ты такой есть?

МАЛЬЧИК. Я - Ваня. У меня - мама Галя, папа - Серёжа. (Радостно выкрикивает.) И ещё - тётя Вера!

ВАНЯ. Повезло тебе!

МАЛЬЧИК. А тебе не повезло?

ВАНЯ. Это - как посмотреть! Ну, будь здоров, тёзка! (Залпом выпивает чарку)

И тут все окружают его, обнимают.

ПАНТЕЛЕЕВНА. Худой-то какой стал! Ничего, мы тебя тут выправим!

ВАНЯ. Здорова, Пантелеевна! Пенсии-то получили?

ПАНТЕЛЕЕВНА. Да мы и ждать перестали! Конкурс наш обломился, но польза какая-никакая отложилась. Я теперь депутат, и для Жёлтой Грязи стараюсь, как могу, лоббирую пенсии.

ФРИЦЫЧ. (Обнимает Ваню.) Рад! Поздравляю! Мы с Пантелеевной хлопотали за тебя!

ПАНТЕЛЕЕВНА. И ты его, Ваня, поздравь!

ВАНЯ. Поздравляю! А с чем?

ФРИЦЫЧ. Вступил, наконец, в коммунистическую партию! Никто теперь не возражает против моего происхождения! Веду активный образ жизни, который только и подобает моим принципам.

ПАНТЕЛЕЕВНА. На собрания коммунистической партии в Мерседесе катается!

ВАНЯ. Рад за вас, Май Фрицыч! (Подходит к Вере) А ты, Веруня, вижу, слово сдержала.

ВЕРА. Какой он умненький, Ванечка! Обхватит меня за шею и говорит: "Не уезжай никогда, тётя Вера, я скучаю..." (В голосе прозвенели слёзы) Думаю, бросить всё и обратно в Жёлтую Грязь. Чего я там не видала, в райцентре-то?

ФРИЦЫЧ. (Подходит к Вере) И правильно, возвращайся на малую Родину! Я, может, тебе предложение сделаю. Я теперь мужик свободный.

ВЕРА. Всё, чего молила, исполнено, всё... И зачем, зачем ты, Богоматерь, меня, дуру, слушала?

КУТУЗОВ. (Теребит Ваню) Ваня, а меня не признаёшь, что ли?

ВАНЯ. Что-то знакомое улавливаю...

КУТУЗОВ. Да бабка Кутузов - я! Забыл?

ВАНЯ. Нет слов! Что стряслось-то?

КУТУЗОВ. Вот в Германии погостила, глянула, как побеждённые живут. И Полкана прихватила. А в ихнем высшем свете полно жирных баб! Только и делают, что жуют, а хотят платица короткие на бретельках носить до ста лет! Тут я своё средство и пустила в ход! Клиенток у меня было, Полкан не поспевал, я его слабительным чуть не уморила. Ну, а потом органы ихнии заинтересовались, где патент? Где? У Полкана в жо... Едва успела ноги унести! Но всё ж таки заработала немало! Эх, Ваня, впервые я так богато живу! Всю-то жизнь честно, изо всех сил вкалывала, надрывалась... А разбогатела на собачьих глистах! В восемьдесят лет нашла своё место в жизни... Так, отчего же, тоска, Ванечка, отчего тоска...

ВАНЯ. (Поворачивается к Гале и Серёже, который держит на руках ребёнка) Душевно рад!

МАЛЬЧИК. Хочу к маме! К маме хочу!

Вера инстинктивно бросается к нему, но останавливается. Сергей передаёт малыша Гале.

ГАЛЯ. К маме захотел! Свет ты мой ясный! Сокровище моё ненаглядное! Песня моя!

ВАНЯ. (Подходит к Отцу Алексею) Благословите, Отец Алексей!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Инне) Матушка, тебе не трудно немного покачать колясочку, а то двойняшки проснутся, заплачут?

ИННА. (Кротко) Конечно, батюшка, покачаю.

Отец Алексей протягивает Ване руку, тот целует.

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. (Осняет его крестом) Господи, благослови раба твоего, Ивана!

ИННА. Господь благословит тебя, Ваня!

ВАНЯ. (Инне) Пижонка с телевидения? Глазам не верю! А как же весь мир?

ИННА. (Блаженно) Господь наш, батюшка мой и детки - вот любимые персонажи! И жизнь моя - увлекательнейший сюжет!

ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ. Матушка, дай мне колясочку! Незачем тебе утомляться.

Телефонный звонок.

ФРИЦЫЧ. (Достаёт мобильный телефон) Слушаю! Всё сделали? Да, я доволен! (Убирает телефон) Брат из Америки звонил. Я ему поручил кое- что для партии. Он сенатор, так выполняет мои поручения. Россияне должны участвовать в выборах их президента! Мы этого добьёмся!

ПАНТЕЛЕЕВНА. Что-то ты приуныл, Мафия, нос повесил? Чем бы тебя рассмешить? Маня поступила в техникум, в райцентре живёт теперь, в общежитие. Такая стала тощая, как её не поверни, а всё будто в профиль.

КУТУЗОВ. Люська ей непрерывно поросят пихает. Клянчит у меня, чтобы я поросят этих на своём Мерседесе возила! А Маня ест, ест, да только всё тощает! А у меня весь салон провонял! Досадно, да куда денешься? Соседей не уважить - последнее дело. Мир рухнет.

ВЕРА. Эх, Ваня, Ваня, как наша попадья говорит, упустили мы свои сюжеты и любимых персонажей...

И вдруг, словно с небес, голос Оксаны: "Птицы! Птицы!"

ПАНТЕЛЕЕВНА. (Задирает голову) И точно! Журавли улетають! Припозднились. Снег настиг!

Все расступаются плавно, словно во сне. И опускается с небес облако. И на нём - Оксана. В платье неземной красоты, с нимбом над головой и с широкой лазурной лентой через плечо, на которой явственно просматривается надпись: Мисс... А Мисс чего - не разлядеть.

Оксана протягивает к Ване руки.

ОКСАНА. Миленький мой! Дождалась!

ВАНЯ. (Вытаскивает из кармана бусы и устремляется к Оксане) Вот - бусы для тебя! Я нанизал на леску все бусины. Посмотри, лучше прежнего стали! Надень! Стремится к Оксане, но не может сдвинуться с места)

ОКСАНА. (Глядит неземным взглядом, тянет руки ко всем, но с облака сойти не может) Птицы, птицы!

И тогда Ваня тоже машет изо всех сил руками и отчаянно кричит:” Птицы! Птицы!” И жалко на него смотреть. И ясно, что не достигнуть ему Оксаны.

ВАНЯ. (Протягивает руки, отчаянно) Бусы! Бусы для тебя!

И тогда маленький Ваня подходит к нему, берёт у него бусы и легко оказывается на облаке. И Оксана подымает его, прижимает к себе нежно и крепко. И они смотрят на своих, на нас, сквозь время и пространство смотрят Мадонна с младенцем. И отчетливо видна надпись на ленте на плече Мадонны - Мисс...

И всё исчезает.

Только гуще падает снег и играет яркими красками натюрморт на длинном столе.

КОНЕЦ.